

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

8

АВГУСТ 1982

КОСТЁР

8
АВГУСТ
1982

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издаётся с 1936 года

© «Костер», 1982 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

- Говорят делегаты
XIX съезда ВЛКСМ **2**
- Подарю сыну город
очерк А. Гостомыслова **4**
- Выстрел в лесу
рассказ В. Кастрючина **7**
- Барабан **10**
- Путь в Колу
повесть П. Губанова **14**
- Века встречаются с веками
к 60-летию СССР **22**
- Заповедник в центре Европы
очерк А. Соснова **24**
- С мамонтенком Димой в Япо-
нию
очерк В. Танасийчука **32**
- Рассказы о природе
Н. Сладкова **34**
- Мастерок **38**
- Веселый звонок **44**
- Арчбек **46**
- Спортклуб «Кузнечик» **47**

На обложке рисунок О. Филипенко

„Дорогие друзья! Вы — представители той части нашего великого народа, которой предстоит формировать завтрашний день страны“.

*Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Президиума Верховного Совета СССР
товарища Л. И. Брежнева
на XIX съезде ВЛКСМ*

В майские дни нынешнего года в Кремлевском Дворце съездов проходил съезд Ленинского комсомола.

Лучших из лучших представителей более чем сорокаmillionной армии молодых строителей коммунизма направил комсомол на свой высший форум. Это был съезд энтузиастов и мечтателей, творцов и романтиков, для которых главное — забота о благе народа.

Молодежь нашей страны располагает сегодня самыми широкими возможностями для творческого труда и отличной учебы, для овладения рабочим мастерством, высотами науки и техники, всеми богатствами мировой культуры. В ответ на эту заботу партии и Советского государства юноши и девушки страны делают все, чтобы вклад комсомола в коммунистическое строительство был еще весомее.

От первых строек — Магнитки и Комсомольска-на-Амуре живет давняя комсомольская традиция — быть на самом трудном, самом ответственном участке. Сейчас на счету комсомола 135 всесоюзных ударных объектов! Это нефте- и газопроводы, строительство Байкало-Амурской магистрали, гиганты энергетики и промышленности. Это и участие в освоении грандиозных богатств Сибири и Дальнего Востока. Это и забота о развитии Российского Нечерноземья.

С особой ответственностью комсомол выполняет почетное поручение партии — быть коллективным вожатым Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Десятки тысяч комсомольцев работают пионерскими вожатыми, стали «ребячьими комиссарами». Под руководством комсомола издается 27 пионерских газет, 47 журналов, проводятся слеты юных любителей техники и тимуровцев, конкурсы художественных коллективов и спортивные состязания.

Пример комсомольцев учит ребят честности и мужеству, воспитывает любовь к Родине, умение хорошо трудиться и всегда быть готовыми к защите завоеваний социализма.

Говорят делегаты XIX съезда ВЛКСМ

ГУЛЬДАДА УРАЗМУХАМ-БЕТОВА, выпускница средней школы села Кулагино Индерского района Гурьевской области.

В Москве я была впервые. И все свои впечатления старалась записать в дневник. Но даже если бы не было моих записей, разве забудешь эти встречи! С детства я зачитывалась «Молодой гвардией» Александра Фадеева. И вдруг узнаю — среди почетных гостей съезда член краснодонского подполья ныне капитан первого ранга Василий Иванович Левашов. Тот самый, которому Олег Кошевой вручил комсомольский молодогвардейский билет за номером один. В одном из перерывов подошла к нему, представилась, попросила на память автограф для нашего школьного музея. А с дважды Героем Советского Союза начальником центра подготовки космонавтов Георгием Тимофеевичем Береговым даже удалось поговорить и сфотографироваться на память.

С ранних лет мы старались помогать старшим. Ухаживали за пришкольным садом, в каникулы создавали свои производственные бригады по сбору ягод. Но тогда — мы были помощниками. А теперь — сами на комсомольском съезде похозяйски подводили итоги своей работы, строили новые планы, решали, как жить дальше. Еще раз подумала: готова ли я к самостоятельному активному вступлению в жизнь?

И поняла, что не только занятия в классе, но и тренировки на спортплощадке, наши победы на баскетбольных и волейбольных площадках в районных спартакиадах, участие в играх «Зарница» и «Орленок» были нашей школой. Они помогали нам стать сильными и целеустремленными. Комсомольцы нашей школы оказали мне высокое доверие — избрали своим вожаком. Разве я могу подвести их? Теперь это доверие стало таким огромным — я их посланец на съезде.

Но каким бы ни стал выбор моего жизненного пути, все свои помыслы и поступки я буду сверять по решениям комсомольского съезда.

СЕРГЕЙ БЕРЕСТ, учащийся ПТУ-67 Павлодара.

— Шел последний день съезда, когда под призывную мелодию «Марша энтузиастов» в зал заседания вошли бойцы Всесоюзного ударного комсомольского отряда. Они принимали эстафету трудовой доблести у героев первых пятилеток, строителей Магнитки и Комсомольска-на-Амуре, у своих предшественников, с честью выполнивших наказ XVIII съезда комсомола. И мы — делегаты XIX — горячо аплодировали новым добровольцам — будущим героям важнейших строек одиннадцатой пятилетки.

Необъятная Западная Сибирь, КАТЭК, Российское Нечерноземье, «Атоммаш», отмечающий свой полувек юбилей, но все такой же юный Комсомольск-на-Амуре. Но больше всего я завидовал ребятам, которые отправлялись на БАМ. Ведь я учусь в железнодорожном училище. И конечно, меня и моих товарищей больше всего манит эта магистраль, проложенная руками комсомольцев, наших сверстников. Мы подсчитали: свои рабочие дипломы получим, когда строительство БАМа будет еще в самом разгаре. Вот

было бы здорово попасть туда, именно по этой трассе повести свои первые составы!

Рассказывают, что в Тынде, в музее, среди его самых пер-

вых экспонатов есть обычная железнодорожная фуражка. Она принадлежит машинисту тепловоза Алексею Югину. Он провел первый поезд по маршруту малого БАМа: Тында — Беркакит. Туда, где у самой поверхности залегают огромные пласты каменного угля. Сейчас за плечами у Алексея не одна сотня бамовских километров. Он — их первопроходец. Вот почему я особенно горжусь своей будущей профессией, самой незаменимой на героической трассе!

Когда два года назад мне вручили комсомольский билет, я еще не осознавал в полной мере, какие грандиозные задачи Родина доверяет нам — комсомольцам. Уже месяцы отделяют нас от XIX съезда. От дней ярких и неповторимых. Но съезд не уходит в прошлое. Каждый новый день нашего труда и учебы — зримое воплощение его решений.

НИКОЛАЙ КАСМИЦКИЙ, слесарь астраханского судоремонтного завода имени X годовщины Октябрьской революции, лауреат знака ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки».

— Впервые здесь во Дворце съездов ощутил весь мас-

штаб дел, которые нам доверены.

Наш цех выпускает подъемные устройства для якорей. По всей стране бороздят воды рек, озер, морей портовые катера, создаваемые на нашем заводе, несут вахту всепогодные спасатели. Мы гордимся своей рабочей маркой.

На завод я пришел после ПТУ. Через год всем цехом про-

водили в армию. Попал в морские пограничные части. Но не забывал о своем родном заводе, о своих наставниках, давших путевку в жизнь. Отслужил, вернулся. Ведь руки с металлом и на корабле не ржавелись.

А теперь все свои планы связываю только с заводом.

В эти дни, слушая доклад, выступления делегатов, вспомнил я свою первую рабочую пятилетку, в которую уместилось столько событий. Вспомнились ребята из бригады. Они — хозяева своей судьбы. А сколько таких на нашем заводе? Подавляющее большинство. Мой делегатский мандат — это не просто высокое доверие моих товарищей. Это и их полномочия на нашем комсомольском съезде. Полномочия рабочего человека, которому доверено у нас в стране так много.

МАРИНА БАРКОВА, учащая Лениногорского нефтяного техникума.

— Профессию себе я выбрала, можно сказать, по наследству. Родители у меня — неф-

тяники. Брат — тоже. Моя будущая специальность — эксплуатация автоматических и телемеханических устройств в нефтяной и газовой промышленности.

У нас в Татарии — профессия нефтяника в особом почете. Не зря наши месторождения называют «второе Баку». Но здесь на съезде шла речь о таких гигантских масштабах развития нашей отрасли, которые и представить трудно.

Ведь только освоение уникального Уренгойского газового месторождения уже в 1985 году даст миллиарды кубиче-

ских метров голубого топлива. В этой пятилетке предстоит построить и ввести в действие пять крупнейших газопроводов Западной Сибирь — Центр. Через 28 областей и автономных республик РСФСР, Украины и Белоруссии пролягут трубы большого диаметра. По размаху работ и объему капиталовложений строительство этой системы магистралей превосходит БАМ, КамАЗ, ВАЗ и «Атоммаш» вместе взятые!

Когда узнала, что бойцы Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XIX съезда ВЛКСМ будут работать на строительстве шести газокompрессорных станций Тюменской области, очень обрадовалась. Скоро мне предстоит проходить первую производственную практику. Мечтаю попасть в этот отряд. Ведь со многими довелось познакомиться в эти майские дни в Москве.

Вот такой вехой стал для меня съезд. Отчетливо теперь

представляю свое место в жизни. Горжусь выбранной профессией.

ИРИНА ГЛУЩЕНКО, девятиклассница 2-й школы города Эртиль Воронежской области.

— В нашем городе действует штаб комсомольцев-стар-

шекласников «Ритм». Когда меня избрали его командиром, я сначала даже растерялась. Как-то не верилось, что сумею повести за собой ребят, ведь это право надо заслужить. Вскоре поняла, что в одиночку мне ничего не добиться, а вот вместе со всем штабом мы — огромная сила. Митинги солидарности, недели дружбы, встречи с интересными людьми, походы по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, читательские конференции, шефская помощь подростковым клубам — вот заботы «Ритма».

Почему мы избрали именно такую форму работы в школьном комсомоле?

В докладе Центрального комитета ВЛКСМ отмечалось, что у нас 95 тысяч школьных комсомольских организаций. «И в каждой из них ярким факелом должна гореть комсомольская инициатива. Именно школьным комсомольским организациям в первую очередь должна быть присуща живая, творческая атмосфера».

Вот и выходит, что путь, который мы избрали, как раз и отвечает этим требованиям, развивает самостоятельность, живую, творческую инициативу.

КАТЭК — это Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс.

Здесь будет создано пять крупнейших угольных разрезов, мощнейшие тепловые электростанции. Будет практически выстроен заново город Шарыпово — столица КАТЭКа.

КАТЭК ПРИУЧАЕТ НАС К НОВЫМ МАСШТАБАМ

Сорок процентов разведанных в СССР запасов бурого угля находится здесь на КАТЭКе. Запасы этого угля оцениваются в 600 миллиардов тонн. Из них 140 миллиардов лежат так, что их удобно добывать дешевым открытым способом. Эти подземные кряжи закрыты небольшим слоем земли, а местами выходят прямо на поверхность.

КАТЭК вскоре станет энергетическим центром Зауралья. Рядом с месторождением решено построить десять мощных электростанций. Они станут сжигать уголь на месте, а энергию передавать по линиям высокого напряжения в промышленные районы страны.

„Сегодня на карте Родины — 135 всесоюзных, около четырех тысяч республиканских, краевых, областных ударных комсомольскихстроек. Объектами комсомольского шефства стали крупные территориально-производственные комплексы“.

В ПОЕЗД САДИЛИСЬ РАБОЧИЕ — степенные, спокойные сибиряки.

В Красноярске на вокзале было сумрачно. Я отыскал свой вагон, забросил на верхнюю полку рюкзак с притороченными к нему валенками. Поезд все называли «экспресс «Вечерняя лошадь»». Он идет с остановками ночь, а утром прямо с него все направляются на работу.

Поезд пошел, и я стал смотреть в окно: хотелось получше рассмотреть Восточную Сибирь. Непроходимой тайги, которую я думал увидеть, не было и в помине — гористые леса, распаханые степи, огни поселков. Мы ехали местами давно обжитыми и освоенными — по Великой Транссибирской магистрали.

Русские геологи, еще когда намечали маршрут для этой дороги, обнаружили здесь громадные залежи бурого угля. Добывали тогда его мало. После войны были построены первые разрезы для открытой добычи Ирша-Бординский и Назаровский. Теперь здесь, в Красноярском крае, стала разворачиваться огромная стройка — Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс.

Поезд долго стоял в Ачинске, пропуская составы с грузом. Люди просыпались от лязга вагонов, смотрели в окна и снова засыпали.

Рано утром поезд остановился в молодом городе Шарыпово — сердце КАТЭКа. На разгрузку пошли платформы с арматурным железом, бульдозерами, экскаваторами, бетонными сваями, квартирными секциями, вагончиками, цементом. Все побежали к автобусу, пора уже было на работу.

*Из отчетного доклада
первого секретаря ЦК ВЛКСМ
В. Н. ПАСТУХОВА
на XIX съезде комсомола*

СТАРАЯ СИБИРСКАЯ ДОРОГА плавно стелилась по степи. С двух ее сторон зарылись в окаменелый снег крепкие бревенчатые избы, крытые широкими замшелыми досками. На горизонте громоздились отроги Кузнецкого Алатау, поросшие редким лесом и похожие на плохо выбритые подбородки.

По заледенелой дороге, протертой колесами «КамАЗов» до самого асфальта, я ехал к Анатолию Потехину, монтажнику, строителю, человеку известному в Шарыпово, делегату XIX съезда ВЛКСМ.

...Прадед Анатолия был переселенцем из-под Тамбова. Было в ту пору в селе всего две улицы, на одной жили коренные сибиряки, другая — называлась Российской. На ней и селились переселенцы, жадно вгрызались в немерянную землю, ставили крепкие избы, обосновывались надолго.

Домик Потехиных невысок, прочен, с небольшими сибирскими оконцами. В палисаднике куст сирени, черемуха, тоненькая березка. На доме красная звезда. Дед Анатолия — Павел Филатьевич защищал Москву, дрался под Старой Руссой...

Через небольшие сени я прошел в дом и у порога сбросил валенки. На крашеном полу — яркие половички, голубым отливают побеленные стены, на подоконнике среди горшков с цветами — телефон.

Напялив отцовскую строительную каску, с шумом гонял на трехколесном велосипеде Максим — сынишка Анатолия, изображая космонавта.

Анатолий показывал старые семейные фотографии, застенчиво улыбался. Вот на этом лу-

ПОДАРЮ СЫНУ ГОРОД

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

гу, за огородами, он гонял мяч, загорал на речке, ловил руками хариусов. Отсюда ушел в армию, служил под Москвой. Жизнь текла спокойно и мирно.

Отец ему написал: «У нас начинается большое строительство — КАТЭК. Говорят, уголь станут добывать, из села город сделают...»

Вспомнил Анатолий рассказы деда — иной начнет погребить или колодец, а там — уголь! Этим углем топили печи, но много ли выгребешь из-под дома?

Всю ночь ворочался Анатолий на жестком армейском матрасе: «Из нашего затерянного в Сибири села город выстроить! Начать крупнейшую в стране стройку!»

Проснулась в нем, ожила и уже не давала покоя злая на

работу дедова-прадедова сила. Решил он круто повернуть свою жизнь.

На удивление всем он пришел к командиру:

— Прошу перевести меня в строительную роту.

Не было в роте старательнее и прилежнее ученика. Построил Анатолий первый свой дом и еще солдатское кафе. Полюбовался ими на прощание и скорее на поезд, в свое Шарыпово. Бегом мимо своего дома на речку, где еще босым мальцом озоровал, а там уже башенные краны и первый дом-красавец строится.

Защемило в груди — нет, не обманулся!

— Эге-ге-гей!

Знакомый голос. Задрал голову, а это — Володька Астахов, в одной команде за огородами в футбол гоняли!

Тот сразу узнал своего полужащитника.

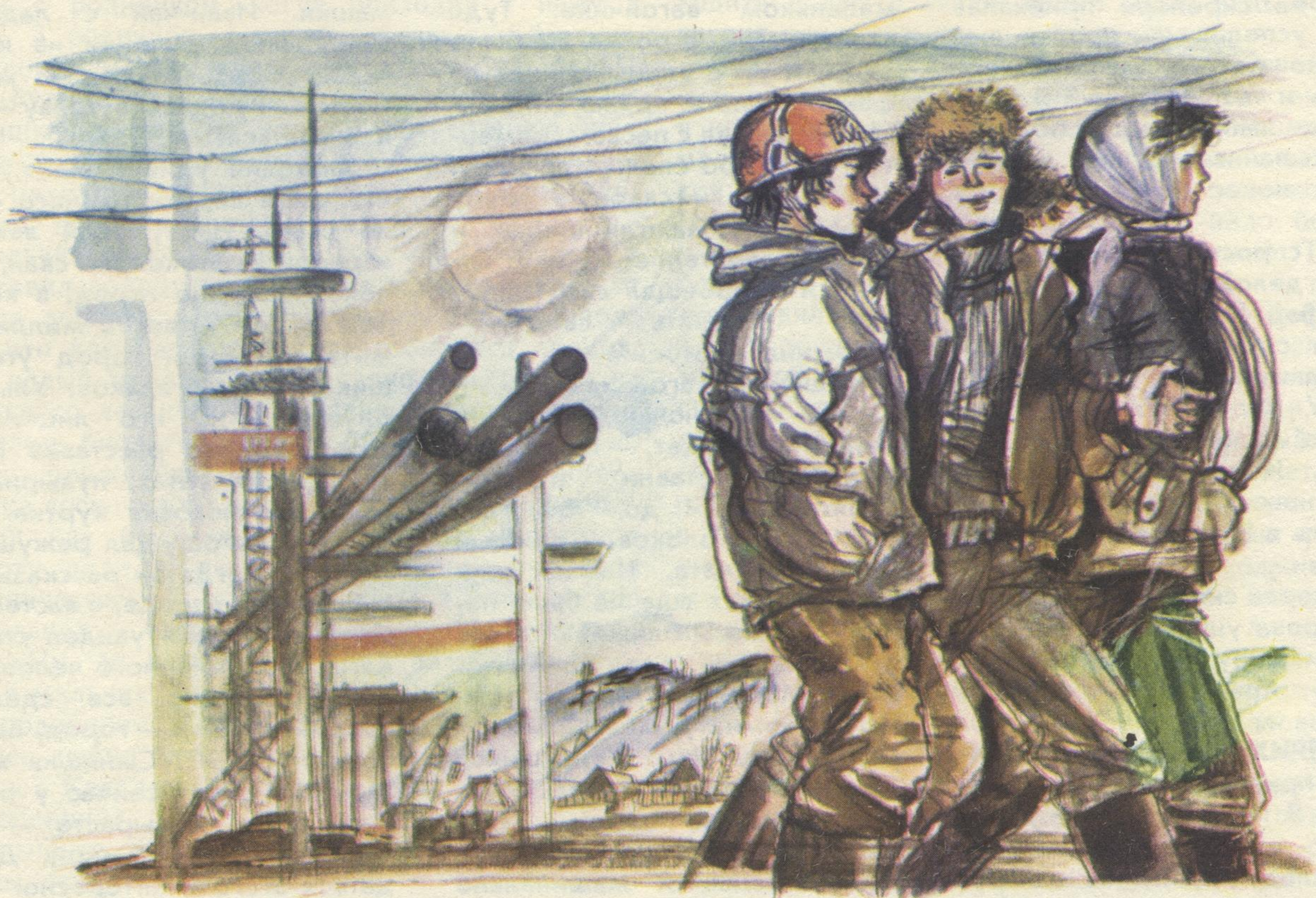
И НАЧАЛ АНАТОЛИЙ СТРОИТЬ СОБСТВЕННЫЙ ГОРОД.

Его увлекла новизна и громадность дела и то, что все надо делать самим, от нуля, своими руками.

— У каждого поколения свой КамАЗ, БАМ, Уренгой. А у нас — КАТЭК.

Освоил работу стропальщика, сварщика, научился читать чертежи и стал монтажником — из блоков-комнат, этаж за этажом, монтировал целые дома.

За высокое профессиональное мастерство, за преданность делу, за активную общественную работу товарищи выбрали Анатолия делегатом XIX съезда комсомола.

— Уезжаю в Москву один, — говорил он, — а вернется нас — пятьсот человек! Приеду с комсомольского съезда вместе с новым отрядом добровольцев. Это ж силища!

Анатолий вышел меня проводить. Напротив его дома разворачивался свадебный кортеж. Уазик, украшенный лентами и шарами, остановился перед мостиком через речку Кадатку. Сосредоточенный жених вытащил на мороз смеющуюся невесту, подхватил на руки и, стараясь не поскользнуться на заледенелой дороге, понес невесту через мост. Там машина подхватила молодых и унеслась.

— Похоже, это ребята из литовского отряда, — сказал Анатолий.

В Шарыпово, в штабе ЦК ВЛКСМ, в мешках лежат девять тысяч писем. Иные по два-три раза пишут, хотят приехать. Но предпочтение отдается комсомольским отрядам. В общежитие селится отряд — люди с одного места.

Загс работает с перегрузкой. Свадьбы приезжают на газиках, уазиках, автобусах. Одна даже на скрепере приехала!

Не успели мы пройти несколько метров, машина вернулась и тот же самый жених, царапая лакированные ботинки о рассыпанный по льду гравий, опять понес невесту через мост.

Мы спросили у шофера — в чем дело?

Шофер опустил стекло и сказал с сильным прибалтийским акцентом:

— У нас в Вильнюсе семь мостов, чтобы было счастье в семье, жених должен перенести невесту через все мосты. А здесь в Шарыпово мост всего один...

Растерев снегом побелевшие от мороза уши, жених забрался в машину, и она умчалась.

— ПРИХОДИТЕ НА СТРОЙКУ, — пригласил меня Анатолий. — Я покажу вам ее с высоты.

На следующий день я с трудом вышел из дверей гости-

ницы — такой был ветер. Без остановки ревел безжалостный хакасец — ветер, разогнавшийся в степи, нес пыль, снег, землю. Рабочих развозили автобусы, медленно, с зажженными фарами пробиваясь сквозь коричневые от пыли вихри.

Едва я вышел из дома, ветер посек лицо острыми камешками. Пришлось повернуться спиной, и он забарабанил по шубе и шапке. Наклонившись вперед, я стал разрезать ветер плечом. Между пальцев в щелочку глянул, не сворачиваю ли с дороги, и увидел, что рядом со мной, изо всех сил махая крыльями, висит сорока. Коричневый вихрь подхватил ее и швырнул в темноту.

Я оглянулся — посмотреть, что стало с сорокой, резкий шквал швырнул меня с дороги в канаву, где я тотчас набил рот снегом и землей. Пока я отплевывался, ветер прикатил ко мне разбитую о столб сороку. Над головой, словно паруса, надувались провода высоковольтной линии, и ветер выл в них как ползущий в гору тягач.

Анатолия я нашел в степи, в маленьком вагончике. Туда скоро шагнет стройка. Не было воды, и он с улицы принес на фанерке снега, прямо в носилках размешал с песком, цементом и быстро сложил печурку. Мы высунули сварную трубу в форточку, зажгли щепки, и сразу стало теплее.

— Я же обещал вам Шарыпово показать сверху, — вспомнил Анатолий.

Вышли из вагончика.

— Я еще ночью знал, что ветер будет, — прокричал Анатолий, — ставни хлопали.

Пятиэтажный дом был собран из блоков. Каждый блок — комната. На лестничных пролетах еще не было перил. Держась ближе к стене, я поднимался вслед за Анатолием. Мы переходили из комнаты в комнату, Анатолий впереди, я за ним. Увлеченный Анатолий вышел сквозь балконный проем, пальцами зацепился за угол и шагнул куда-то вдоль стены. Я машинально последовал за ним. Распластав-

шись вдоль стены, вытянул ногу к соседнему балкону. Неосторожно глянул вниз и замер, парализованный страхом. Внизу, чуть припорошенная снежком, матово светилась бетонная плита. Над головой скрипели огромные крюки башенного крана.

— Где же вы? — изумленно вскрикнул Анатолий. И тотчас крепко схватил меня за руку, скомандовал: «Давай!»

Отдышавшись в пустой комнате, я все же нашел в себе силы подняться наверх. Лучше всего были видны краны у соседних домов. Они не работали — ветер. Пыльная мгла неслась над двумя кварталами пятиэтажных микрорайонов, над серым морем серых домишек, туда, где угрюмо темнели отроги Кузнецкого Алатау, где начиналась тайга.

— Красиво? — улыбнулся Анатолий.

— Да! — ответил я.

— В мае за неделю распустится. Зайдешь в тайгу — запах — просто дуреешь. Кругом сосна, осинник с березкой, кедр, жасмин, шиповник, жимолость, колокольчики, ромашки. Иван-чай с ладонь. Прозрачные ручейки из ключевой воды... Травища с меня ростом. Рухнешь в траву — не надышаться!..

Анатолий удивил меня тем, что умел видеть то, чего еще не было. На грязной земле, изрытой частоколом свай, он показывал мне город, в котором будет четверть миллиона жителей, юный город угольщиков и энергетиков. Улыбка блуждала на его лице. Он стоял, прочно расставив ноги в собачьих унтах, пузырилась на ветру меховая куртка. Он будто и не ощущал режущего ветра. И когда он рассказывал о будущем городе, в застенчивом пареньке я увидел стального, непреклонного человека.

— Интересно все сделать своими руками — город, Березовскую ГРЭС. Сынишка мой, Максим, сидит сейчас у окна, меня ждет. А вырастет — станет работать со мной. Дождаться этого — интересно.

Рисунок О. Филипенко

Продолжение следует

ВЫСТРЕЛ В ЛЕСУ

РАССКАЗ

Валерий КАСТРЮЧИН

Рисунки Д. Титова

Мишка, конопатый мальчишка с вихром выгоревших на солнце волос, спустился в овражек, поросший по краям лещиной. Здесь, возле небольшого валуна, бил холодный ключ — начинался родничок. Мишка приветливо улыбнулся ему: «Здравствуй, родничок!» Он всегда здоровался с родничком, когда приходил к нему в гости. А родничок, в свою очередь, как бы приветствовал Мишку журчанием. «Буль-буль-буль!.. Буль-буль-буль!..» — говорил веселее, веселее.

Мишка достал из кармана берестяную кружечку и зачерпнул воды. Она была такая вкусная, пахнущая черникой и зеленым мхом, холодная, пощипывающая за язык.

Мальчик забрался на валун, снял рубашку и подставил солнцу свои острые и почерневшие от загара лопатки. Посидел немного. Вдруг вспомнил, что как раз сегодня он собирался посмотреть новый муравейник. Недавно они, ребята из школьного лесничества, с Иваном Макаровичем, учителем биологии, муравьев расселяли. Интересно, прижились ли они на новом месте?.. Мишка соскочил с валуна и, подмигнув родничку, сказал как бы между прочим: «А мне вчера грамоту дали, с печатью. За хорошую работу в лесничестве!» И родничок опять в ответ весело пробулькал: «Буль-буль-буль!..» Поздравляю, мол. «Ну, до встречи!» — помахал ему на прощанье мальчик.

С родничком Мишка любил разговаривать, а вот лес любил слушать. О чем он шумит на ветру, лес? Как даже в тихую погоду звенит листвою осинник?

«Слышите, виолончель играет? — спросил однажды ребят Иван Макарович. — Это — ель». «А скрипочкой — березка», — сказал тогда Мишка. «Верно», — улыбнулся Иван Макарович. И пояснил ребятам, что весь лес — слаженный

оркестр. Только не каждому дано слышать его музыку. А жаль. «Впрочем, — заметил Иван Макарович, — слышать и понимать музыку леса тоже надо учиться». «В музыкальной школе?» — спросил кто-то. «Не обязательно, — ответил Иван Макарович. — Просто надо чаще людям приходиться в лес, в любое время года. Ведь весной звучит одна музыка, а осенью другая...»

Вот и сейчас, когда Мишка шел по тропинке к новому муравейнику, он слушал, как высоко в небе поют верхушки сосен. А еще Мишка думал: «Какой он большой, лес, и какой маленький я. Даже по сравнению с этой полянкой. А Иван Макарович говорит, что лес надо беречь и охранять, потому что он беззащитный. Такой большой — и беззащитный. Странно: я такой маленький и говорю: «Расти, лес! Я тебя не дам в обиду». Выходит, человек сильнее самого могучего дуба! Ведь он может просто-напросто спилить его и порезать на досочки... Да, лес, хоть и большой, но и вправду беззащитный. И я должен заботиться о нем, как о друге. Нет, как о брате!» И Мишке так понравилось это «как о брате», что он улыбнулся и погладил рукой шершавый ствол сосенки. «Окончу школу, в институт поступлю, лесным инженером стану, — продолжал размышлять мальчик. — А может, учителем, как Иван Макарович...»

Ивана Макаровича Мишка любил. Потому что Иван Макарович, хоть и городской человек, а приехал работать в Мишкину деревню. «Красотища здесь, порядок какой-то особенный, — говорил учитель. — Все друг другу руку подают. Времени как-то в деревне больше, хотя сутки всюду одинаковые — двадцать четыре часа. Но так и кажется, что солнце здесь раньше встает и позже спать ложится. За день много чего сделать можно...»

«А что, и впрямь, жить у нас хорошо, — подумал Мишка. — Речка, луг, лес... С ребятами то по грибы, то за орехами... Телевизор есть дома. Клуб в деревне. А еще кино в школе часто показывают, бесплатно».

Мишка вышел на просеку, поглядел из-под руки на солнце — высоко стоит: полдень!

Ага, вон там, в березнячке, и муравейник.

И вдруг — «Пах!.. Пах!..» — один за другим грянули выстрелы. Близко.

Кто стрелял?..

Мишка осторожно раздвинул ветки чащи. Недалеке увидел спину пригнувшегося человека. Тот тащил по земле что-то тяжелое, рыже-бурое. «Косуля!» — чуть не вскрикнул Мишка. В это время человек обернулся, и Мишка узнал своего родственника — дядю Филю. «Неужели?..» — не поверил мальчик. Но вспомнил, как недавно приходил в гости к дядьке и как тот угощал его лосятиной. «Откуда?» — спросил тогда Мишка. «От верблюда!.. У знакомых охотников купил, — ответил дядька и как-то особенно подчеркнул: — Дичь!..»

«Так вот какие это охотники!» — Мишка решительно шагнул вперед.

Дядька опешил: не ожидал встречи. Обалдело глядел он на Мишку, пока узнал наконец.

— А-а, племяш!.. Мишка!.. Ну, здорово!.. — И растерянность на его лице сменилась чем-то вроде улыбки. — Вот... козочку... по лицензии... — запинаясь, произнес он. Чиркнул спичкой — закурил.

При этом смерил Мишку таким взглядом, что у того аж мурашки по спине пробежали.

«По какой лицензии? — быстро пронеслось в голове у Мишки. — Не время сейчас для охоты...»

— Не веришь? — догадался о его мыслях дядька. — Так вот она... лицензия...

Дядька порылся в кармане и вдруг смущенно улыбнулся: — Дома забыл... Честное слово, забыл. В старый френч положил... Фу ты, склероз проклятый!.. Как жизнь, племяш? — резко повернул он разговор в другую сторону. — Как мамка? Давненько я у вас в гостях не был. Да и вы, родственнички, нечего сказать, хорошие: в одной деревне живем, а словно окоян меж нами. Ну, чего молчишь?

— Охота еще закрыта, не время...

— Время — не время, открыта — закрыта... Много, племяш, знаешь — рано состаришься. Раз говорю, есть лицензия — значит, есть. Специальная, понятно? Особое разрешение. По случаю...

Рядом треснул сучок — дядька на полуслове умолк.

Мишка глянул вверх.

Прямо с нижней ветки глазел на них бельчонок — любопытная голова.

— Тоже зверь называется! — плюнул дядька.

— У вас тот и зверь, в ком мяса побольше, — сказал Мишка.

С минуту они помолчали. Мишка мял в руках мешочек с брусничными листьями и думал о том, как было бы хорошо, если б вдруг на просеку вышел Иван Макарович. Разве стал бы он разговаривать с дядькой так, как Мишка. Он бы, наверное, сказал: «Гражданин Сапожников, предъявите ваше разрешение на отстрел... Так-с, нет. Тогда пройдемте со мной...» И тут впервые Мишка с сожалением подумал о том, что он еще не взрослый, а только мальчишка. И что, верно, в глазах дядьки выглядит таким недопеском, который лишь путается под ногами.

— Ты куда шел? — спросил дядька.

— По делу.

— Вот и у меня, брат, дела. Так что извиняй. Приходи вечером — потолкуем, ладно?..

Дядька принялся свежевать косулю. Одним махом он развалил ей живот — выбросил кишки. Стал большими кусками резать мясо. Получалось у него это исправно, словно он всю жизнь только этим и занимался.

— Эх, жирна, bestия!.. А мясо розовенькое, молодое, — урчал он как кот, укладывая куски мяса в мешок.

Мишка сидел на поваленном дереве.

— Ты чего не уходишь? — спросил его дядька, когда кончил с косулей.

— А я с вами пойду... Лицензию покажете.

— Лицензию? — внезапно перекопилось, будто от боли, лицо дядьки. — А кукиш — не хочешь?.. Сопляк!.. Молокосос!.. — забрызгал он слюной. — Ступай, тебе говорят, отсюда!

— Не уйду, — поднялся Мишка.

— У-у, волчонок!..

— Ага, значит, правда? Значит, нет лицензии?.. Нет?.. — Мишка почувствовал, как у него заколотилось сердце, и, задыхаясь от волнения, он выпалил: — Судить вас!..

— Хватил, брат, хватил... Далеко камешек бросил, — криво ухмыльнулся дядька. — Судить... А за что? За косулю? Ну, штраф... Мелочишка такая. Так что, я думаю, мы с тобой договоримся.

— О чем договоримся?

— Плохо соображаешь, племяш. Чему тебя только в школе учат! По-родственному, я говорю, договоримся. Сам посуди. За косулю мне штраф дадут. Тебе-то какая польза от этого? Спасибо в школе скажут? Ерунда. Спасибом сыт не будешь. Зато люди как толковать станут: «Ай да Мишка, родственная душа, дядьку закопал!..» Нехорошо это, брат, Это что отца продать...

— Отца не трожьте...

— Ладно, ладно... Не сердчай. Так вот. Я предлагаю по-родственному, значит. Косуля, как говорится, бог с ней. А я тебе куплю... велосипед. Если, конечно, язык будешь держать за зубами. Идет?

— Велосипед? — подумал вслух Мишка.

— Ну да! Хороший велосипед. «Орленок» или как он там называется?

— Купить хотите? Бойтесь?

Дядька нервно дернул бровями:

— Вредно тебе фильмы, племяш, глядеть. В героя играешь, говоришь красиво... Зачем же «ку-

пить»? По-родственному хочу, понимаешь? Помужски. С пользой для тебя.

— Судить вас будут и за лося, и за косулю, — сказал Мишка.

— Лося? Какого лося? — непонимающе уставился на него дядька.

— Того, что от верблюда, помните?

Дядька натопырился.

— Вот ты о чем!.. Басня, племяш, басня. Это доказать надо. А того лося косточки в земле давно уже сгнили... Однако, гляди-ка, вспомнил! Да, Мишка, некому тебя ремнем воспитывать, некому. Язык у тебя длинный.

Снова наступило молчание.

По лицу дядьки бежали струйки пота. Было душно.

Вверху тревожно каркнул, пролетая, старый ворон.

«И в кого он такой уродился? — думал дядька. — Дал бог сродственничка, нечего сказать!.. А не отступит от своего, нет. Порода такая. Знаю я эту породу. Вот и батя... По справедливости жить хотел. Все для людей старался, для блага. Кому крышу починит, кому колодец почистит, кастрюлю запаяет, дров нарубит... И все бесплат-

но. Не за рубль, за спасибо. Мастер! Вот и хватила мастера кондрашка раньше времени. А больше бы о себе думал — так и этим бы летом косою махал..

Справедливость... Какая там к черту справедливость! Жить надо умеючи. Что нашел на дороге — то и мое!..»

В лесу потемнело.

— Дождь будет, — словно очнулся Мишка.

Дядьку смутили эти спокойные и обычные слова. Он кашлянул:

— Значит, не отступишься от своего, поведешь меня?

— Поведу.

— И куда же поведешь?

— К Ивану Макаровичу.

Дядька шибанул ногой шишку, словно она была в чем-то виновата, угрюмо буркнул:

— Из-за дрянной косули...

— Не дрянная косуля, а... государственная, — сказал Мишка.

— Государственная... Много ты понимаешь...

Они медленно тронулись: впереди — Мишка, следом за ним — дядька.

Сосны вверху гудели натужно и грозно...

БАРАБАН 8

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Пионеры всей страны делятся с вами своими делами!

★ **НАШ КАЛЕНДАРЬ: АВГУСТ**
★ 14 - День физкультурника
★ 15 - День Воздушного Флота СССР

★ ПИОНЕРЫ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ★ ★ Ромашки на улице Гайдара ★

В центре Архангельска есть улица имени Гайдара. Она тянется от Северной Двины километра на полтора. Мы шествуем над улицей. На каждом доме повесили табличку «Здесь живут ветераны Великой Отечественной войны» — и столбиком фамилии ветеранов. Мы дружим с ветеранами, особенно нам помогает Николай Михайлович Салов. Он принял участие и в разработке нашей новой операции, когда мы решили засадить улицу ромашками.

Составили приказ о сборе

семян по школам. Посадкой занимались дружины школ, которые находятся на этой улице. В операции «Ромашка» приняли участие все. Пионеры вышли на улицу. Разбившись на бригады, убрали мусор, вскопали газоны, посеяли семена полевой ромашки и посадили рассадку садовой.

Теперь на улице Гайдара будут расти любимые цветы писателя.

Ника Онякова,
9 класс,
начальник штаба Тимура,
Архангельск

★ ПЯТИЛЕТКА ТРУДОВЫХ ПИОНЕРСКИХ ДЕЛ ★

★ Будут выты Бурёнки ★

Зимой у колхозных буренок вдоволь кормов. В этом есть и наша заслуга. Потому что летом мы помогаем колхозу, участвуем в операции «Пионерская ферма». За лето заготовили и сдали больше 50 тонн зеленой массы и веточного корма.

Саша Руснак,
село Яровка,
Черновицкая область

★ Зелёный пожар! ★

Не успел я еще как следует привыкнуть к лагерю, как вдруг раздалась команда: «По машинам! Все — на «зеленый пожар!»». Отряды сели в машины и поехали в соседний колхоз. Но никакого пожара в колхозе не было. «Зеленый пожар» — так прозвали сорняки на полях. Они для урожая такое же зло, как и огонь для

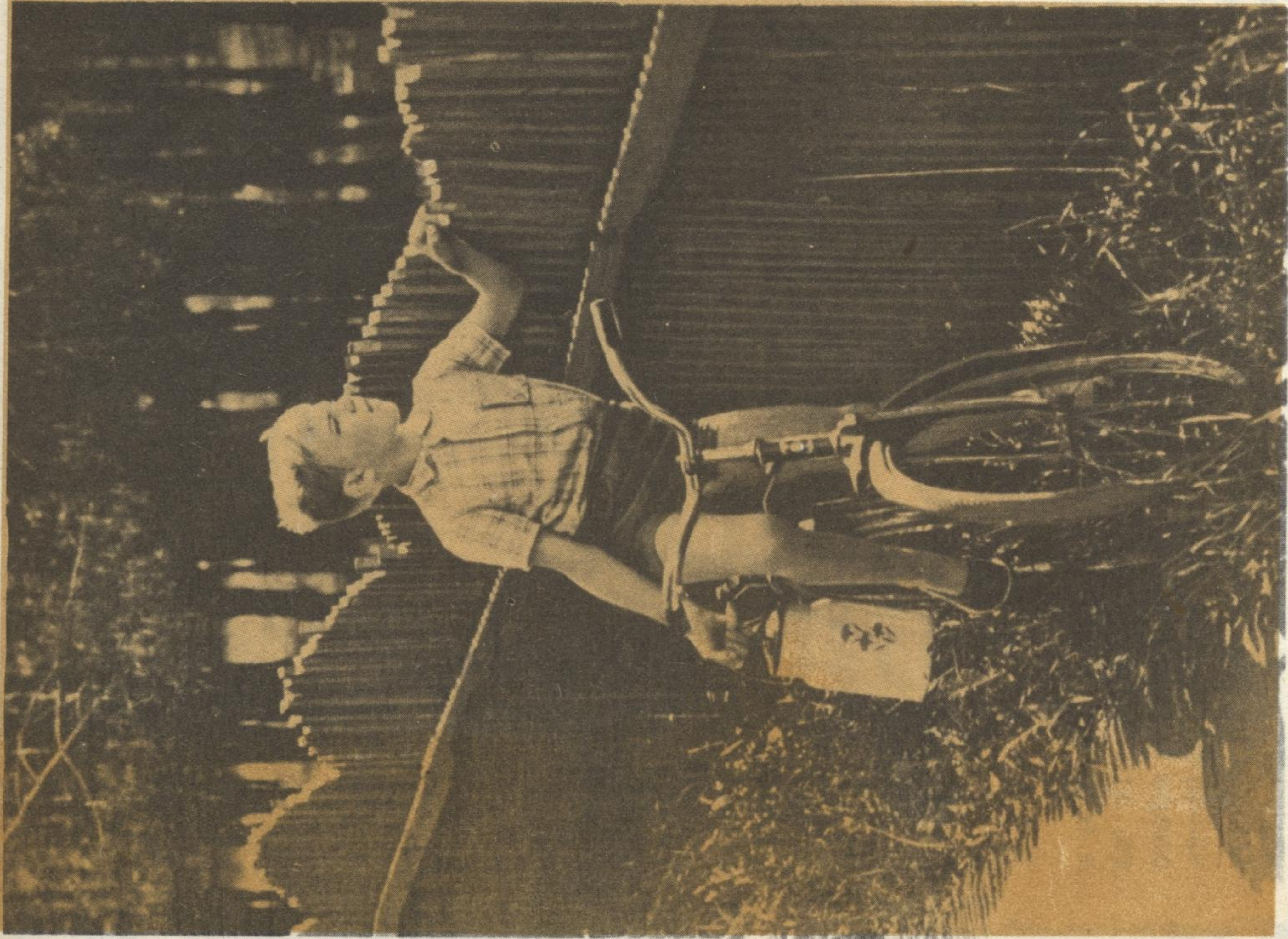
леса. Полдня мы освобождали от бурьяна колхозную свеклу. Работали под палящим солнцем, не разгибая спины. Очень старались. Пропололи 5 гектаров. Я успел здорово загореть. А говорят, что трудовой загар самый прочный.

Женя Анохин,
пионерлагерь «Солнечная поляна»,
Омская область

★ Помогаем взрослым ★

Наш отряд носит имя Зои Космодемьянской. Мы хотим во всем быть достойными этого имени, стараемся помогать взрослым. Ходим на молочнотоварную ферму. Поим малых телят, взвешиваем их. Мальчики помогают животноводам, девочки учатся доить коров доильными аппаратами. Мы подключаем аппараты, и молоко быстро бежит по трубкам. Моя мама — оператор машинного доения. В свободное время я хожу к ней и помогаю доить коров. А иногда приходится доить и вручную.

Надя Неверова,
село Сергеевка,
Оренбургская область

ДРУГ УЕХАЛ

Мы — члены поисковой пионерской экспедиции «Ивановцы — участники обороны Брестской крепости». Некоторые сведения о героях-ивановцах мы собрали еще дома. А летом побывали в самой Брестской крепости. И вот — новые сведения о наших земляках.

Старший политрук И. М. Печерников. Он возглавил оборону жилых домов. Во время

бомбежки погибли его дети — шестилетний Алик и пятилетняя Нина. Но политрук и его жена, несмотря на личное горе, показывали в бою образец мужества. Печерниковы отбивались, пока не кончились боеприпасы, а две последние пули оставили для себя...

Комсомолец, курсант-пулеметчик Алексей Никитин. Погиб в первый день войны, ус-

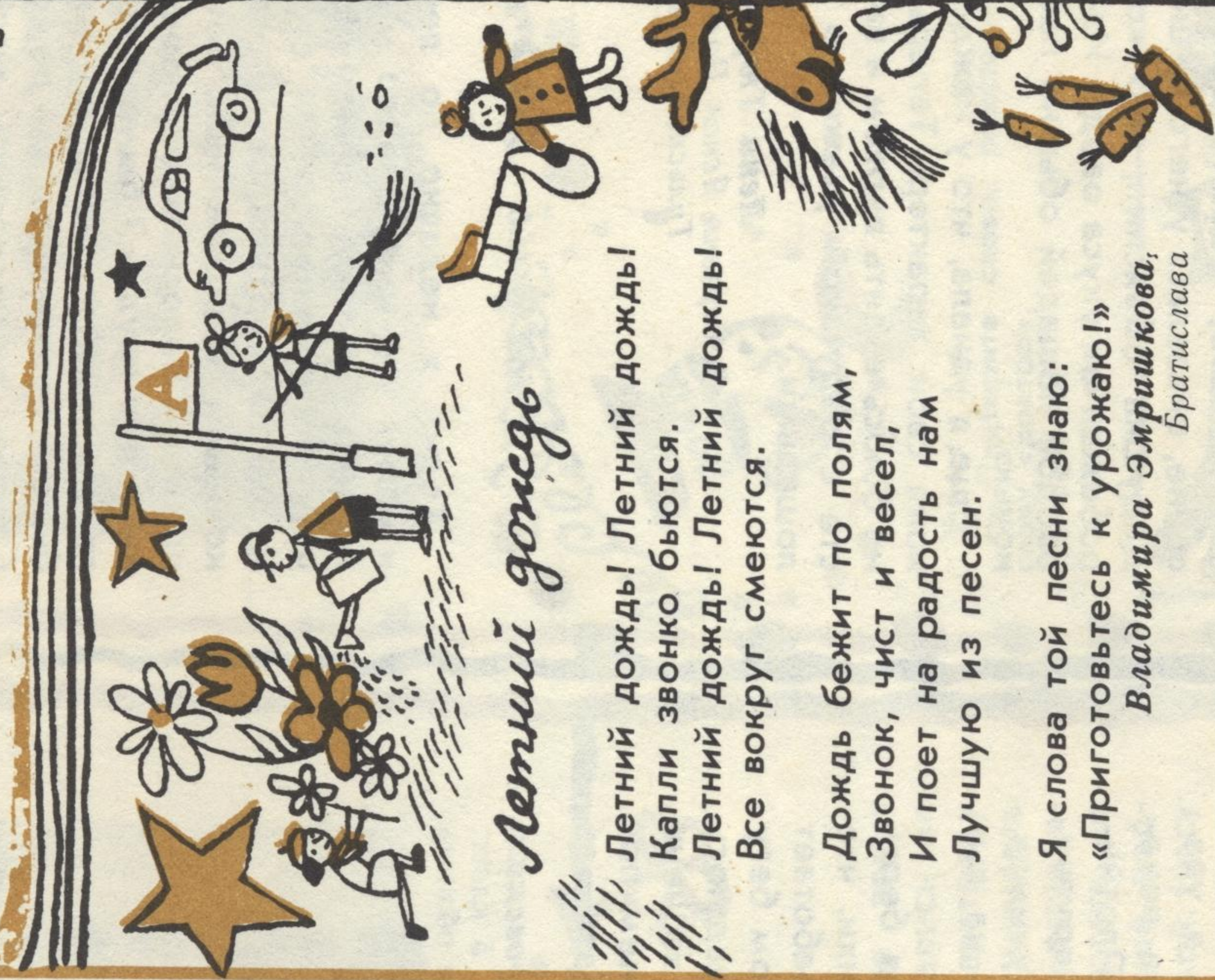
пев уничтожить десять гитлеровцев.

В архивах музея — еще три новых имени: разведчик, младший сержант С. М. Ларин, младший лейтенант И. В. Петухов, командир батальона Г. А. Ландышев.

...В Минске мы встретились со следопытами 120-й школы. Ребятами создан музей Гвардейской Пролетарской Мос-

НАШ КИД

В гостях у
"Зарябана"
юнкеры словацкого
журнала "Жамачан"

Летний дождь

Летний дождь! Летний дождь!
Капли звонко бьются.
Летний дождь! Летний дождь!
Все вокруг смеются.

Дождь бежит по полям,
Звонко, чист и весел,
И поет на радость нам
Лучшую из песен.

Я слова той песни знаю:
«Приготовьтесь к урожаю!»

Владимира Эмришкова,
Братислава

«Дерево жизни»

Так называется почин пионеров и комсомольцев Чехословакии по охране окружающей среды. Ребята из нашей школы убрали мусор вокруг магазинов и автобусной стоянки. Освободившуюся территорию засадили зеленой травой и цветами. Пусть жителям поселка, и маленьким, и взрослым, будет всегда приятно. А еще мы ухаживаем за памятником воинам, участникам Словацкого национального восстания.

Катька Киселева,
поселок Клукова

Бюджет детского парка

Многие пионеры Словакии являются членами кружков «Защитники природы» и «Юные друзья лесничества». Зимой мы подкармливаем лесных зверей, летом мастерим скворечники, чиним кормушки. Мы занимаемся резьбой по дереву, делаем гербарии лекарственных трав. А недавно решили разбить в нашем поселке детский парк.

Любомир Порубан,
Тренчин

ковско-Минской дивизии. Мы решили и в нашей школе открыть музей, рассказывающий о героях-ивановцах.

Лена Царькова,
Света Манавеская,
Сергея Пивоваров,
Алик Лорер,
Настя Даричева,

5-б класс,
школа № 33,
Иваново

Моя Родина СССР

Имать

Вокруг нашего города много озер. Я хочу рассказать об озере Инголь. Оно 7 км в длину и 4 км в ширину. Озеро окружено сопками, покрытыми тайгой. Вода в Инголе чистая-чистая, даже на самых глубоких местах видно каменистое дно. На дне озера бьют холодные ключи. Выпьешь кружку — и зубы ломит от холода. На берегу найдутся два пионерских лагеря: «Инголь» и «Солнышко». Ребятам очень нравятся бывать там. А еще в озере много рыбы. Мне кажется, это самое красивое место в нашем районе.

Люда Прокушева,
6-а класс,
Красноярский край

ХОРОШО У НАС

Я живу на Курилах уже 13 лет. Это моя родина. Природа у нас очень разнообразна и красива. Я люблю фотографировать природу. Еще я очень люблю животных. Особенно

лошадей. На лошадях я езжу с пяти лет. Посылаю вам фото одного из уголков нашего острова.

Лена Доробева,
7 класс,
остров Итуруп,
Сахалинская область

Мои Тютники

Я живу в деревне Плотники уже восемь лет. Если я уезжаю куда-нибудь, даже ненадолго, то скучаю по Плотникам. Здесь живут мои друзья, с которыми мы вместе учимся, ходим в лес, катаемся на лыжах и просто гуляем.

У меня есть любимая береза. Растет она у тропинки, что ведет на ферму. Там работает моя мама. Когда я утром бегу на ферму, то всегда радуюсь моей березе. И коров я очень люблю и с удовольствием помагаю маме ухаживать за ними.

Таня Ларовских,
5 класс,
Кировская область

НА КУРИЛАХ

Верхом на лошади

Этим летом дедушка научил меня ездить верхом на лошади. Он вывел из конюшни самого смиренного коня и посадил меня на него. Я потянула уздечку. Конь стоял. Я еще раз потянула. Вдруг конь захрапел и быстро помчался в конюшню. Я чуть не свалилась и крепко уцепилась за гриву.

Когда конь остановился, я, вместо того, чтобы сидеть на спине, оказалась у него на шее. Дедушка объяснил, что конь побежал от укуса овода. Из-за оводов лошадей обычно пасут ночью.

Еще я узнала, что у каждого коня свой характер. Теперь я не боюсь ездить верхом и вместе с дедушкой ухаживаю за лошадьми.

Лена Тюрина,
деревня Ясная Поляна,
Тульская область

Глущий аист

Ходил я недавно по лесу, и вдруг что-то заставило меня поднять голову. «Аист!» — чуть не крикнул я. Он стоял на самой верхней ветке, споконный и неподвижный. Ветер шевелил белоснежные перышки на его груди. Я бы еще долго смотрел на него, но пора было возвращаться домой. Сделал я несколько шагов, и вдруг резкий отрывистый щелкающий звук заставил меня обернуться. Звук то перешел в треск, то снова становился щелкающим. И тогда я опять увидел аиста. Его шея,

отогнутая назад, плавно покачивалась. Клюв непрерывно работал и походил на трещотку. К певчим птицам я аиста никогда не причислял, но слышанное мною было песней. Песней аиста.

Андрей Крахмальников,
7-б класс,
школа № 185,
Павловск

Пашенный водоворот

Мы с двоюродным братом Мишкой и нашим другом Сашей пошли на пруд. Подходим, глядь! — на самой середине пруда появилась воронка, а в ней что-то красное! Мы вздрогнули. Саша взмахнул сачком для бабочек, а ловить то и некого, вода гладкая, как всегда. Долго мы ждали новог водоворота. А он вдруг появился у самых Сашиных ног. Саша сунул сачок в воду и издал победный крик. В сачке билось что-то огромное. Саша рванул палку, проволока обломилась и большая рыбина, сверкнув на солнце, грохнулась в воду...

Сашка сачок починил, и мы снова стали ждать. Водоворот не появлялся. Видимо, таинственная рыбина испугалась и отсиживалась на дне. Но мы дождались. Водоворот! Сачок опускается! Рыбина летит на траву! Это карась, но какой большой! Пожалели мы того карася и пустили обратно в пруд. Пусть живет! И пусть удивляет всех своими водоворотами.

Таня Житникова,
Москва

Рисунок Анвардана Бекбутаева,
Джезгазганская область

САМОЕ-САМОЕ-САМОЕ

● Два письма

о дружбе

подругам

Мне всегда нравилось, что моя подруга красиво одета. Но я стала замечать, что в погоне за красотой она стала совершать некрасивые поступки. Требуется, чтобы родители купили ей то фирменные джинсы, то магнитофон. Она даже у бабушки с каждой пенсии берет деньги, а сама ей дома не помогает ни в чем. Моя подруга стала смеяться над девочками, которые хуже одеты. Когда она высмеяла девочку, у которой нет ни мамы, ни папы, я поссорилась со своей подругой.

Оксана Мехова,
поселок Акчакуль,
Кустанайская область

Мы с подругой, ее зовут Наташа Булатова, катались на велосипеде. Вдруг навстречу грузовая машина. Опомнилась я уже на земле, а машина уехала. Боль в ноге — встать не могу. Подбежала Наташа, подняла меня, повела домой. Ногу промыла, завязала, тихонько повела в больницу. Оказался перелом. Я долго лежала в больнице, а Наташа приезжала ко мне почти каждый день, да еще с гостинцами. И не было случая, чтобы она не пришла, когда обещала. А ведь у нее тоже дела, и маме помогать тоже дела, и маме помогать надо, и погулять хочется! Я всем сердцем благодарна Наташе!

Лена Щербина,
ст. Верхотурье,
Свердловская область

Рисунок Марины Гусаровой,
Ленинград

Гусарова
ПОЧТА

Учитель:
— Подберите слово, родственное слову «доктор».

Ученик:
— Айболит!

Учитель:
— Почему птицы летают?
Ученик:
— Потому что их пугают кошки!

Люба Пахоленко,
3 класс,
Волгоград

Мой брат Саша разложил на полу солдатиков. Папа ему говорит:
— Убери солдатиков, а то я на них нечаянно наступлю!
— А хочешь, я их тебе подарю? — вдруг предлагает Саша.
— Ну, подари, — отвечает папа.
— Только ты их убери, — говорит Саша, — а то я на них нечаянно наступлю!

Наташа Антонова,
Пенза

Учитель:
— Каких вы знаете диких животных?

Ученик:
— Корова. Она меня задала!
Прислала
Ира Дедова,
Курган

Петр ГУБАНОВ

Рисунки Б. Аникина

ПУТЬ В КОЛУ

ПОВЕСТЬ

Савву Лажиева и податного Дормидонта Лисина бросили со связанными руками в пустую вежу. Выставили дозорного к ним, чтобы бежать не вздумали.

— Зачем они поубивали податных и обоз пограбили, Савва? — негромко произнес Лисин, когда стихли шаги снаружи. — Ведь в мире и дружбе пребывают государи!

— Волки — они и есть волки, — задумчиво проговорил Лажиев. — А воины свейские — хуже даже волков. Те хоть от голода бросаются на людей. А эти сыты, обуты, одеты, а все грабят... Алчные и ненасытные... Да найдется и на них управа.

— А с нами-то что будет? — слышался опять негромкий голос Лисина. — Зарубили других. Может, и нас так же убьют утром. Зачем мы им?

Продолжение. См. «Костер» № 7, 1982 г.

— Похоже, что-то спытать собираются, — ответил Савва. — В Колу держат путь swei: вон сколько припасов да оружия нагрузили в свои нарты.

— И верно, что далеко ехать собрались, — подхватил Лисин. — А как и впрямь на острог нагрянут?

— Воевода — боярин Алексей Петрович колян в обиду не даст, — сказал Лажиев. — И пушки медные стоят на пряслах... И самопалов, и порохового зелья достаточно. Будет чем встретить нехристей...

— Стрельцов маловато в остроге, — возразил Дормидонт. — Немцев sweйских, видал, сколько? Трудно устоять противу такой силищи...

Мысль о близкой смерти от рук sweйских воинов не покидала Савву. Гадай — не гадай, а костлявая с острой косою — тут, рядом, за плечами. Лажиев пытался смириться со своей незавидной участью, но досада, что так глупо попался в руки врагов, будто острое жало колола в самое сердце. Он вспомнил родную деревню на Олонке, своих покойных родителей, идущих в праздничный день в церковь Фрола и Лавра... Перед глазами вставало раннее летнее утро... Послышались вдруг знакомые звуки пастушьего рожка. Стадо коров шло, поднимая пыль... Запахло парным молоком... А солнышко обжигало щеки. Оно было такое ласковое, какое бывает лишь в родном краю... «Я еще должен вернуться туда и взглянуть хотя бы разочек на то, что видел прежде, — подумал Савва. — Нужно обхитрить sweев. Но... пути на руках? Да их же можно перегрызть зубами...»

Выбора не было: на кону оказались их жизни. Они по очереди стали перегрызать один у другого сыромятные ремни, которыми были связаны руки. У Саввы сделалось солоно во рту, он то и дело выплевывал сгустки крови. Не обращая внимания на боль, он продолжал разрывать тугие волокна... Перевалило за полночь, когда Лисин уронил на олени шкуры свободные от ременных пут руки.

...Они собрались уже выйти наружу, но в вежу вполз дозорный sweйский латник. Ветер и стужа загнали его внутрь. Не заметив у московитов развязанных рук, sweйский воин сел возле входа, положил на колени мушкет и стал подремывать. Пристально следили за ним Савва и Лисин. Нужно было напасть на латника так, чтобы он не вскрикнул, не ойкнул, не выстрелил. На шум непременно прибежали бы из соседних вежей разбуженные воины.

Угревшись в тепле, дозорный уснул.

— Я кинусь первый! — шепнул на ухо Лисину Савва.

Мягко сполз мушкет с колен sweйского латника. Дозорный задергал головой, засучил ногами, Савва мертвой хваткой сдавил ему горло.

В мутном небе светили редкие звезды. В воздухе носились сухие снежинки. С другого конца стойбища доносились негромкие голоса sweйских воинов.

Савва и Лисин поймали пасшихся неподалеку двух оленей, скорехонько запрягли их в sweйские, нагруженные боевыми припасами сани. Дорми-

донт заглянул напоследок в вежу, прихватил и мушкет.

И вот уже летят комья снега из-под оленьих копыт. Свистит в ушах встречный ветер. «Воля!»

Обогнули, стороной объехали стойбище, занятое sweйскими воинами. Потом сани, запряженные двумя оленями, стремительно понеслись на восток...

Держа путь на Колу, можно было и не заезжать в стойбище, где жила семья Агика Игалова. Но Савва считал, что непременно должен предупредить названного брата о приходе в Лопскую землю sweйских воинских людей. И еще он тешил себя надеждой, что сумеет собрать мягкой рухляди в счет податей будущих лет.

— Надобно поскорее попасть нам в острог, да обсказать воеводе, что swei по воровскому делу рубеж порушили и на Колу идут, — стал возражать Лисин, когда Савва объявил ему о своем намерении. — А ну, как раньше нас к острогу подступят вороги?

— Ты отправляйся на оленях дальше один, Дормидонт, — сказал Лажиев. — Я пешком доберусь до Агика Игалова. Сказать надо лопинам, чтобы уходили...

— Ну как хочешь, Савва, — с неохотой согласился Лисин.

— Негоже мне, Дормидонт, появиться в остроге с пустыми руками, — покачал горестно головой Лажиев. — Ты же обскажи все, как есть о sweях воеводе Алексею Петровичу. А я к лопинам пойду. Авось да и сквитаю долг...

— Как знаешь, — заморгал заиндевелыми ресницами Дормидонт.

Нарты с одним ездоком понеслись быстрее. А Савва, угадывая по звездам дорогу, побрел на север. Остаток ночи и весь светлый день, утопая в снегу, пробирался он по чахлой тундре. Уже стало опять темнеть, когда Лажиев увидел впереди струящиеся вверх дымки и занесенный сугробами берег реки.

Замерзший, заиндевелый, усталый, ввалился Савва в вежу названного брата.

— Sweйские люди на Лопь пришли! — с трудом разжав стиснутые зубы, хриплым голосом произнес он. — Наш оленный обоз с мягкой рухлядью начисто пограбили, податных людей — на смерть порешили. Только двое мы бежали от нехристей.

— Где же товарищ твой? — забеспокоился Агик Игалов.

— В Колу направился, дабы воеводу уведомить.

— Придут на стойбище воры и олешков наших всех заберут! — встревожился волостной старшина. — Все возьмут у нас: и котлы, и шкурки... Бежать надо отсюда...

Всполошилась жена Агика. Захныкали детишки, услышав встревоженный голос отца.

— Да, нужно уходить, — поддержал Савва крестового брата. — Запрягать оленей и — в Колу. Места в остроге на всех хватит. Ты, Агик, с семьей в моем доме жить станешь. Жителей стойбища в избах посадских людей поселят.

— Нет, Савва, лопины не поедут в Колу, —

возразил волостной старшина. — Тесно в остроге. Корму для олешков где найдешь? Одни камни да вода там. Подохнут олешки от голода. На летние стойбища наши, к морю поедем. Там стоят наши летние вежи. Жить станем возле моря, покуда не уйдут swei с земли лопинов.

Начались сборы в дорогу. Мужчины всего стойбища стали запрягать своих ездовых оленей в кережи. Женщины связывали в узлы нехитрое добро, одевали детей.

Какое-то время Савва был в нерешительности, не зная как быть. «Отправиться на Колу на подаренных крестовым братом быстроногих оленях или остаться с лопинами? — размышлял он. — Ведь можно собрать до весны лисьих и собольих шкур в дальних погостах Лопи. Только бы swei убрались восвояси отсюда...»

Поколебавшись, Савва надумал отправиться к морю вместе с жителями стойбища.

Едва лишь забрезжило и порозовел край неба на востоке, как лопины тронулись с насиженного за долгую зиму берега реки. Путь их лежал на север.

8

«Корону» несло по воле стихии. Фрегат плохо слушался руля. С бизани и грот-мачты все паруса давно были убраны. Сорванный ветром кливер гудел, словно барабан.

Капитан Якоб Лаппмарк и кормчий Эрик Гильдебрант с пристальным вниманием вглядывались в неистовую пургу, разразившуюся в океане. Проведенный на карте курс корабля проходил в полутора десятках морских миль от берега. Но дрейфом могло отнести фрегат в сторону от истинного курса, и, черт знает, на каком расстоянии от проведенной на карте линии мог находиться корабль?

— Прикажете комиту¹ Эккертту замерять глубину моря! — отдал распоряжение кормчему Лаппмарк.

— Слушаюсь, господин капитан! — отрывисто произнес Гильдебрант и стал спускаться по трапу со шканцев.

Комит Ларс Эккерт, стоя на юте, бросал за борт лот. Укрывшись от шквального ветра за грот-мачтой, он расправлял запутавшийся линь и громко ругался.

— Дьявол разрази их! — долетело сквозь вой ветра до слуха кормчего.

Когда удалось распутать линь, Гильдебрант сам взялся за дело, чтобы проверить, сколько воды под килем фрегата. Тугие шквалы рывком отбрасывали разматывавшийся с катушки линь. Замерить глубину моря никак не удавалось. Не добравшись до грунта, кормчий пришел к мысли, что под килем фрегата достаточно глубины и можно продолжать плавание, не меняя продолженного курса.

Гильдебрант спустился через люк на жилую палубу, при тусклом свете свечного огарка оты-

скал дверь своей каюты. В помещение с трудом проникали вой ветра и шум разбушевавшегося океана. Кормчий сдернул с шеи шерстяной шарф, расстегнул верхние пуговицы мундира. Хотелось немного посидеть в тепле, отдохнуть, но наверху его ждал капитан Лаппмарк. Гильдебрант взял с полки пузатую бутылку, выдернул пробку и налил рому в глиняную кружку. Рука его замерла в воздухе от внезапного толчка. Обжигающий напиток выплеснуло на палубу. Под днищем корабля раздался зловещий скрежет. Фрегат сильно качнуло. Затрещали шпангоуты.

Кормчий выбежал из каюты и стремительно поднялся по трапу на шканцы.

— Мы сели на камни, Гильдебрант! — набросился на кормчего Лаппмарк.

— Сколько ни бросали лот, не могли достать грунта, господин капитан! — оправдывался Гильдебрант.

«Корона» остановилась на месте, словно схваченная чьей-то мощной рукой. Корпус корабля трещал, гудел и содрогался от ударов о камни.

На ют сбегались со всех уголков фрегата подвахтенные матросы, пушкарки, плотники. Охваченные паникой, они устремились туда, где находились гребные шлюпки и капитанская гичка. Возле них началась давка. Каждый старался поскорее залезть в шлюпку, чтобы покинуть готовый развалиться на подводных камнях корабль. Палубные матросы, размахивая ножами, старались оттеснить от шлюпок марсовых и пушкарей.

— Кормчий Гильдебрант, соберите офицеров, комитов и подкомитов «Короны» на шканцах! — приказал капитан. — И незамедлительно наведите на фрегате порядок!

Пока собирали офицеров и надежных комитов и подкомитов на шканцах, унтер-офицеры разбили замки в погребах и стали носить наверх мушкеты, абордажные крючья и палаши.

— Спаси и помилуй нас, святая Бригитта! — молились на юте матросы, призывая на помощь покровительницу всех плавающих.

Гильдебрант повел вооруженных мушкетами подкомитов на сгрудившихся возле шлюпок бунтовщиков. Одна из них — сильно перегруженная — перевернулась. Сидевшие в ней матросы посыпались в воду. В мятежных матросов ударили залпом из нескольких мушкетов. Находившиеся неподалеку от открытого люка бунтовщики ринулись вниз... Оставшихся наверху убитых и раненых Гильдебрант приказал бросать за борт...

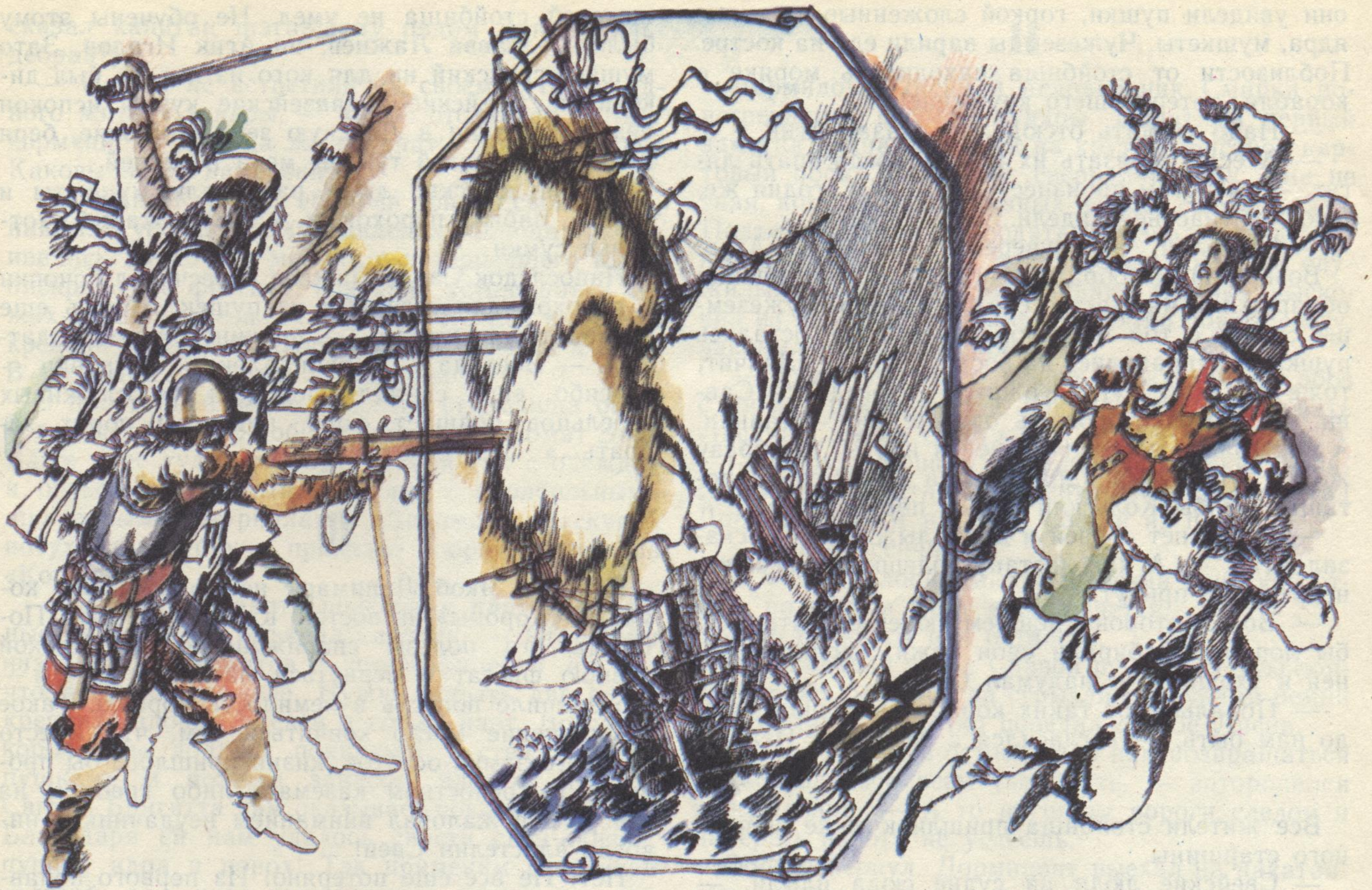
Ветер вскоре стал заметно стихать... Но волны набрасывались с прежней яростью на неподвижный корабль. Было по-прежнему темно. Косо летел сверху сухой снег.

До слуха капитана и вернувшегося на шканцы Гильдебранта донеслись из трюма слова песни:

*Ах, если б господь был милостив к нам,
Привел воротиться в свой дом,
Я б кирху построил, каменный храм,
А верх обложил бы свинцом...*

— Похоже, негодяи добрались до бочонков с ромом! — сердито проговорил Лаппмарк.

¹ Младший офицерский чин на шведском флоте.

— Веселее будут отправляться на тот свет, — усмехнулся в ответ кормчий.

Стало понемногу светать. Ярдах в двухстах от «Короны» висели скалы. А еще ближе торчали из воды камни. Их с шумом омывали белопенные струи. А дальше тянулась узкой косой песчаная отмель.

Волны по-прежнему ударяли в борт корабля, раскачивая его и разламывая обшивку. В образовавшиеся пробоины со зловещим молчанием поступала вода. Из затоплявшегося трюма стали выходить наверх испуганные бунтовщики. Вооруженные мушкетами подкомиты загоняли их на бак и связывали руки.

— Каждого пятого вздернуть на рее! — распорядился капитан Лаппмарк.

Ни мольбы, ни просьбы не помогли. Приказ капитана был выполнен неукоснительно...

Остаться на корабле, который мог в любой момент развалиться на части, становилось опасно. Лаппмарк приказал спустить на воду шлюпки и выгрузить на песчаную отмель легкие пушки, пороховые припасы, ядра, мушкеты, паруса и провизию.

Все, что можно было спасти, свозили на берег. Несколько пушек свалились при погрузке в воду, но большую часть оружия и провианта сумели снять с корабля.

Последним оставил полузатопленную, наклонившуюся в сторону берега «Корону» капитан Якоб Лаппмарк.

9

Агик Игалов первый увидел застрявший вблизи берега корабль с голыми мачтами и раздавленными на реях.

— Погляди-ка, Саввушка, что это? — указал он рукою в сторону моря.

Савва угадал сразу, что это — военное судно и, по всей видимости, шведское.

— Как оно здесь очутилось? — удивленно проговорил податный.

— Водой да ветром прибило к берегу, — сказал Агик. — Случалось допреж и тоже пригоняло на отмель обломки судов и остатки товаров заморских...

— А люди живые где? Матросы, которые управляли парусами, куда подевались?

Живых моряков на корабле не было. Он был покинут командой. Только мертвые остались на нем.

Выйдя на берег, Агик Игалов и Савва увидели дым костра на песчаной отмели и серый полотняный шатер рядом. Потом заметили и людей. Чужеземцы сутились возле огня. Вначале из-за дыма их не было видно. Савва подсчитал, что было на отмели четыре пришлых человека. «А где остальные? Куда же они все подевались? С полдюжины висело на реях... Не могли же утонуть у самого берега!»

Податный и волостной старшина затаились за камнем, стали смотреть издалека. Возле шатра

они увидели пушки, горкой сложенные чугунные ядра, мушкеты. Чужеземцы варили еду на костре. Поблизости от стойбища находились моряки с корабля, потерпевшего крушение!

— Надо уходить отсюда, — сказал Агик.

— А если повязать их ночью, когда спать лягут, — шепотом произнес Савва. — Сегодня же, пока они нас не увидели...

— Пожалуй, — неуверенно подхватил Агик.

Возвращаясь обратно, податный и старшина обнаружили множество свежих следов. Чужеземцы сошли с той песчаной отмели, где остались пушки, и направились на восход солнца. «Значит, тоже на Колу путь держат, — догадался Савва. — А этих сторожить оружие свое оставили. А как только добудут оленей и нарты, так сразу же за пушками и ядрами сюда вернуться. И потащат, чтобы Кольский острог порушить...»

— У них нет оленей и даже лыж нету, — сказал Агик. — А как достанут олешков и кережи, непременно придут.

— Во все стороны пошлем людей сказать, чтобы лопины разбирали свои вежи, уводили оленей и уходили, — надумал Савва.

— Подальше от таких корабельных людей надо нам быть, — согласился с ним Агик Игалов.

Все жители стойбища пришли к веже волостного старшины.

— Свейские люди на судне сюда плыли, — объявил собравшимся Агик. — Да бог, видать, покарал нечестивое воинство и бурей сломало их судно. Вороги на берег вышли, в Колу идут. Запрягать надо самых быстрых олешков, ехать во все стойбища и говорить, чтобы уходили и стада оленей своих угоняли подальше. И пусть дохнут от холода воровские люди.

Никто не стал перечить старшине волости. Из каждого рода отправлялись лопины на дальние и ближние стойбища, чтобы пусто становилось на пути свейского воинства, что с корабля на берег сошло.

Охотники повязать караульчиков свейских тоже нашлись. Агик отобрал восьмерых смелых и сильных мужчин. У каждого из них — самопал в руках и нож на поясе.

Караульные не спали. Они были все четверо в шатре, играли в кости. Савва Лажиев нечаянно задел ногой медный ковш, лежавший на камне возле потухшего костра. На шум выбежали из шатра караульщики. По ним ударили из самопалов лопины. В ответ прозвучали несколько мушкетных выстрелов. И все стихло. Трое свейских воинов были сразу убиты. Один был еще жив. Он пытался подняться, отталкиваясь руками от земли. Но встать ему никак не удавалось. Одного из лопинов насмерть сразила мушкетная пуля, другого ранила в руку.

Когда рассвело, Савва насчитал на отмели двадцать шесть медных пушек. Рядом были чугунные ядра, сложенные горкой, и мушкеты в козлах. В шатре нашли пороховое зелье в бочонках и солонину.

Палить из пушек чугунными ядрами никто из

жителей стойбища не умел. Не обучены этому были ни Савва Лажиев, ни Агик Игалов. Зато мушкет свейский ни для кого из них не был диковиной. Свейские и ганзейские купцы испокон веку привозили в Лопскую землю оружие, беря взамен у жителей тундры меха и оленей.

Охочие лопские люди разобрали мушкеты и свинец, набили пороховым зельем кожаные охотничьи сумки.

Напоследок Савва Лажиев пересчитал бочонки с порохом для стрельбы из пушек. «Авось еще пригодятся в остроге, — прикинул в уме податный. — Воевода — боярин Алексей Петрович — спасибо еще скажет, пожалуй, и служивых стрельцов пришлет сюда, пушки и порох забрать...»

10

Капитан Якоб Лаппмарк неколебимо вел команду «Короны» на восток, в сторону Колы. Потерять без пользы снаряженный королевской казною фрегат и вернуться назад ни с чем — это значило попасть в немилость королю. Такое возвращение могло кончиться тем, что вместо родового замка остаток жизни пришлось бы провести в крепостном каземате либо гребцом на галере. Не жаловал вниманием неудачников никогда властелин Свеи!

Нет! Не все еще потеряно! Из первого попавшегося на пути лапландского стойбища будет отправлен оленный обоз на побережье моря. Пушки «Короны» еще загрохочут у стен Колы! Без орудий Бальтазар Бек как без рук! Не сможет он заставить москвитов открыть острожные ворота, пока не запугает их насмерть орудийной пальбой! А когда мои пушки ударят ядрами по стенам острога и совершится виктория — пусть рассудит его величество король, оправдал ли его высокое доверие капитан Якоб Лаппмарк?

С белесого неба падал редкий снег. Тускло светило солнце сквозь пелену низких облаков. Во все стороны простирались бескрайние просторы тундры с невысокими холмами. Местами словно щетина на фоне белого снега чернели рощицы низкорослых елей.

Утопая в снежных сугробах, медленно продвигались по дикой тундре свейские мореплаватели. Растапывая тропу, шли впереди недавние бунтовщики, таща провизию в холщовых сумах. Следом за ними шагали офицеры, комиты и подкомиты, неся на плечах мушкеты.

На третьи сутки свейский отряд добрался до лапландского стойбища. Ни людей, ни оленей, ни нарт, ни лыж не оказалось в нем. Многие вежи были разрушены до основания. Те, что остались целыми, пустовали. В трех крайних лопских жилищах еще продолжали тлеть угли в неостывших жаровнях. Значит, в великой спешке покидали лапландцы свое становище, увозя с собой оленей и все имущество.

На горизонте еще виден был удалявшийся оленный обоз.

— Кто-то предупредил их о нашем приходе, —

сказал капитан шагавшему рядом Эрику Гильдебранту.

— Но мы не встретили на своем пути ни одного жителя тундры, — хмуро отозвался в ответ кормчий. — Откуда же им знать, кто мы такие? Каковы наши намерения?

Капитан «Короны» объявил привал своим спутникам. В уцелевших лапландских жилищах устраивались на ночлег моряки с потерпевшего кораблекрушение фрегата. Прежний устоявший в вежах запах исчезал, улетучивался. Его вытеснял крепкий запах табачного дыма, парусины и соли. В стойбище зазвучал чужой говор.

В просторной веже, в центре становища остановился капитан Якоб Лаппмарк. Подкомит Эрик Багге внес туда его парусиновый сак с одеждой и бельем и кованный сундучок с корабельными шканечными журналами. Лаппмарк раскурил потухшую трубку и приказал собрать офицеров «Короны».

— Утром отправите поисковые партии в разные стороны! — объявил капитан. — Старшими назначьте подкомитов и унтер-офицеров из тех, что побывали в деле. Нужно добыть две сотни крепких ездовых оленей и сотню нарт. Во славу короля мы должны появиться у стен Колы с пушками и полным запасом ядер и пороха! Святая Бригитта нам оказывает покровительство! Благодаря ей нам удалось спасти свои жизни, пушки, ядра и порох! Так применим с великой пользой для дела корабельные пушки на суше!

— А не лучше ли двинуться дальше? — заметил Гильдебрант. — Встретим на пути обоз латников, что вышел из Свеи! Да на тех нартах и доставим наши пушки и боевые припасы к месту военных действий.

— Нет, господин премьер-лейтенант, — стоял на своем Якоб Лаппмарк. — Мы должны первыми прибыть к стенам московитской крепости. Так назначил наместник Норланда. Так было предусмотрено королем, когда снаряжалась «Корона».

— Но фрегат потерпел бедствие, и все переменилось, — неуверенно проговорил кормчий. — Так не лучше ли подойти к стенам Колы вторыми? После того, как королевские латники возьмут в осаду острог?

— Честь слуги короля и дворянина не позволяет мне медлить, — сердито произнес капитан.

Офицеры «Короны» молча выслушали Якоба Лаппмарка. Никто не осмелился ему возразить.

Утром шесть поисковых партий отправились на розыски оленей и нарт. И лишь одна из них наткнулась в тундре на стадо оленей. Лапландцы сидели вокруг своих костров, неподалеку от них стояли грузовые и беговые кережи, готовые к езде. Подкомит Эрик Багге смело повел своих людей на лапландское стойбище. Подпустив поисковую партию на сто ярдов к пасущимся оленям, лопские жители встретили свеев самопальным огнем. Эрик Багге застрелил из мушкета четверых лапландцев, потерял в завязавшейся перестрелке двоих матросов, получил легкую рану и вернулся ни с чем.

Дормидонт Лисин и целовальник Смирка повстречались посреди тундры. Податный первый заметил поднимающийся на крутой пригорок нартовый обоз. Дормидонт свернул к нему, еще не зная, кого из православных несет к свеям в плен. Подъехав поближе, податный узнал в закутаных с головы до ног, заиндевелых возницах служилых стрельцов. Целовальник Смирка выскочил из передней нарты и, утопая по пояс в снегу, заковылял к Дормидонту.

— Куда подевался Савва Лажиев? Где обоз с мягкой рухлядью? — принялся расспрашивать Лисина Смирка Сумароков.

— Обоз... начисто пограбили свейские воинские люди, податных насмерть побили, — отвечал Дормидонт. — Я и Савва уехали из плена...

— Где он сейчас?

— Ушел к лопинам... А свейский воинский отряд, похоже, в Колу направляется...

— Как же ты цел остался?

— Повязали нам с Саввой руки, в пустую лопскую вежу бросили, да сгрызли мы зубами ремни и бежали, — коротко поведал о себе Лисин.

— Так скорее в острог надо нам возвращаться да воеводу обо всем уведомить, — заторопился целовальник. — А то нагрянут вороги следом и запереть ворота не успеешь.

Обоз повернул. Дормидонт выехал на накатанную нартовыми полозьями дорогу и направился следом. Олени стремительно неслись на восток. Гнали их нещадно, делая короткие остановки в местах, где неприхотливые животные могли добыть себе корм.

На другой день впереди показались деревянные стены и башни острога. Косые лучи солнца мягко освещали островерхие покрытия башен, крыши домов и купола двух церквей.

Воевода Толстой встретил податного Лисина и целовальника Смирку в дверях Приказной избы. Узнав о том, что свейские латники продвигаются по тундре в сторону Колы, Алексей Петрович приказал бить набат.

Загудели медные колокола в соборной церкви Благовещения и Никольской часовне. Заслышав гудящие в морозном воздухе звуки набата, стрельцы выбегали с самопалами на улицу. Со всех концов острога направлялись к Приказной избе посадские и служилые люди. Выходили из селитряных майданов угрюмые солевары с изъеденными солью руками. Покидали свои мастерские косторезы и гончарных дел умельцы, скорняки и бондари. Затих стук топоров на острожной верфи, где корабельных дел мастера строили надсады и струги.

Толпа колян перла к крыльцу Приказной избы, где стояли воевода Алексей Петрович Толстой, подьячий Иван Махонин, стрелецкие десятники и пятидесятники, целовальник Смирка и податный Лисин.

— Свейские воинские люди порушили рубеж, идут на Колу! — объявил воевода. — Податных людей насмерть побили вороги! Мягкую рухлядь грабежом взяли.

— Что же теперь-то с нами будет, православные!? — завопила в толпе посадская женка. На нее зашикали стоявшие поблизости мужики, оттеснили подальше, чтоб не смущала других.

— Дабы не смогли взять свеи приступом Колу, велю всем денно и ночью лить воду на стены острога, — продолжал Алексей Петрович. — Заледенить их надобно, чтобы ни один свейский немец не смог вскарабкаться на прясла.

— Зальем все стены, как есть! Не дадимся свеям в обиду! — раздались в толпе голоса мужчин.

— Встанем всеоружно, коли вороги к стенам острога подступят!

Затерявшийся в полярных снегах город разом ожил.

Укрепить стены острога и сделать их неприступными можно было лишь с помощью льда. Суровая северная зима и незамерзающий залив могли стать надежными союзниками в предстоящей схватке.

Женщины и дети возили воду на оленях, мужчины таскали бадьями и ведрами. Трудились все: старые и малые. Осторожные стрельцы принимали ведра и сверху лили воду на стены.

Вода на морозе сразу превращалась в лед. Бревенчатые срубы башен и стен от самых прясел до низу покрывались светлым панцирем.

12

Лыжники вахмистра Торфинена, отправленные в погоню за двумя бежавшими из плена москвитами, вернулись в стойбище, никого не найдя в тундре. «Они непременно известят воеводу в Коле о появлении в пределах Руси королевского войска, — размышлял ротмистр Пер Клементссон. — Значит, застать врасплох острожный гарнизон не удастся...»

Отряд королевских латников задержала в пути пурга. Пер Клементссон по целым дням не выходил из вежи. Чтобы скоротать время, он приглашал Клааса Торфинена играть в карты. Вместо денег ротмистр ставил на кон лисьи шкуры из полагавшейся ему доли военной добычи. Клементссону не везло, как и в прошлый раз, когда играл с швейцарцем Готлибом Кюне. Связку за за связкой он проигрывал добытую у москвитов пушнину.

А Торфинен разбогател за одну ночь. Пока стихла пурга, половина занятой вахмистром лапландской вежи была завалена мягкой рухлядью.

— Дьявол тебя разрази, Торфинен! — выругался расстроенный проигрышем ротмистр. — Ты стал богаче наместника Норланда. Вернемся назад — купишь большой каменный дом в земле свеев.

— Нет, господин ротмистр, если сподобит господь и вернусь назад из Московии, то снаряжу трехмачтовый парусник для торговли с Ганзой.

Отец Клааса Торфинена, и дед его, и прадед жили в портовом городе, занимались мелочной торговлей. Из поколения в поколение не покидало Торфиненов стремление подняться из низов тор-

гового сословия в купцы Большой Гильдии. Случалось иногда, что дела их шли в гору. Но частые пожары, биржевые крахи и наводнения сводили на нет прежние удачи.

Клаас Торфинен вдруг уверовал в свою счастливую звезду. После возвращения из Московитской Лапландии он хотел повернуть торговое дело своей семьи и выйти в знатные люди...

Пер Клементссон любил дочь казначея из магистрата родного города. Чтобы завоевать любовь и уважение красивой девушки добропорядочного семейства, ротмистр собирался привезти из Лапландии богатую добычу. Он знал, что московитский пушной город Кола на Мурмане сказочно богат. Он прослышал давно, что везут поморяне туда пушнину с Новой Земли и просторов Лапландской тундры, с низовьев северных рек и самых дальних поморий.

Повоевав Колу, Клементссон рассчитывал получить у короля награду за ратный труд. И уж тогда, вернувшись на родину, можно начать разговор о женитьбе на дочери казначея из магистрата.

Простояв несколько суток из-за пурги, Клементссон двинулся дальше с отрядом. Огромные снежные сугробы вставали на его пути. Лыжники вахмистра Торфинена сбились с дороги. Отряд сделал огромный крюк и вернулся к месту прежней стоянки. Клементссон стал торопить вахмистра двигаться быстрее, но лыжники валились с ног от усталости.

Наместник Норланда с ротой наемных воинов швейцарского ротмистра Готлиба Кюне нагнал королевских латников за рекой.

— Почему так медленно движется отряд? — набросился на Клементссона Бальтазар Бек.

— Лыжники замучены тяжелым переходом. Олени устали, господин наместник, — оправдывался ротмистр.

— Я полагал, что прибуду в Колу и получу ключи от ворот, — с недовольством пробурчал Бальтазар Бек.

Чтобы не вызвать еще большего недовольствия наместника, Клементссон умолчал о том, что бежали из плена двое московитских сборщиков податей и кольскому воеводе уже известно о появлении королевского войска в Лапландии.

— Мы захватили обоз с пушниной! — заторопился обрадовать наместника ротмистр.

— И много взяли пушнины? — заинтересовался Бальтазар Бек.

— Восемь тысяч шкур, — ответил Клементссон. — Есть куницы, соболя, но больше всего лисьих шкур.

— Совсем недурно для начала похода, — повеселевшим голосом произнес наместник Норланда. На обветренном грубом лице его появилось что-то наподобие улыбки.

— Как скоро позволительно ожидать обещанного его величеством подкрепления морем? — вежливо осведомился ротмистр.

— Снаряженный казною фрегат «Корона» девять дней назад вышел из Королевской Гавани.

И если благоприятствовали ветры в пути, наш корабль благополучно встал на якорь в Кольской бухте.

— Да сохранит его святая Бригитта! — молитвенно сложил на груди большие плоские ладони Пер Клементссон. — Гром корабельных пушек сделает кольского воеводу сговорчивей. Даст бог, и не понадобится лить понапрасну кровь латников.

— Дай бог нам скорую и успешную викторию! — прогудел в ответ густым баритоном наместник, кутаясь в свой волчий тулуп и удобнее устраиваясь в сани. Костистый, длиннолицый, косматый, весь в инее он был похож на огромного волка, принявшего человеческий облик.

Олени с натужным храпом тащили нагруженные едой и боевыми припасами сани по проторенной уже дороге. Похрустывал сухой снег под ногами множества животных, мягко скрипели полозья.

Солнце показалось из-за горизонта, и приоткрылись во все стороны тундровые просторы. Впереди на белом снежном покрывале чернели редкой щетиной поросли низкорослых деревьев.

Наместник Норланда торопился. Привалы объявлял редко. Останавливались лишь затем, чтобы дать короткий отдых воинам да покормить оленей.

На третий день после прибытия наместника в морозном утреннем мареве показался московский острог. Косые солнечные лучи неровными пятнами света играли на церковных куполах. Из множества труб тянулись в небо дымы. Их курчавые тени причудливо ложились на крыши посадских изб. Но что за чудо?! Крепость сверкала, как изумрудный ларец! Ее стены и башни излучали светло-голубое сияние!

— Что это?! — в изумлении поднял лохматые брови Бальтазар Бек.

Стоявшие рядом с ним ротмистры Клементссон и Кюне с пристальным вниманием рассматривали московский северный город за острожными стенами.

— Московиты залили стены водой, образовался лед, — сказал Кюне.

— Ядра «Короны» в прах разнесут эти жалкие укрепления! — презрительно наморщил лицо Бальтазар Бек. — Латники беспрепятственно проникнут в город через проломы в стенах!

Наемные воины и королевские латники остановились в отдалении от острога. Наместник Норланда в сопровождении ротмистров и вахмистров поднялся на прибрежную сопку. Перед ними простиралась серые хляби. Просторы моря были пустынными: ни единого паруса не было видно. Фрегат «Корона» не стоял в Кольской бухте.

ВЕКА ВСТРЕЧАЮТСЯ С ВЕКАМИ

Армения — это горы. Горы — рядом, всюду. Они идут через всю республику двумя рядами, на севере почти параллельными, в центре, наткнувшись на озеро Севан, ломаются, на юге сближаются и снова расходятся. А над всеми их хребтами, ущельями, долинами стоят в белых папах Арарат и Арагац. Арарат, правда, находится в пределах Турции, но это гора армянской истории, армянских легенд и песен.

Но если Армения — страна гор, значит, и страна камней. Есть в ней всевозможные граниты, базальты, мрамор: серый, белый, розовый. Есть мрамор с золотыми жилками: словно на нем отдыхало солнце и оставило свои следы. Но больше всего туфа — прекрасного строительного материала, легкого и прочного. И тоже самых разных цветов: розового, белого, зеленоватого, кремового, коричневого, черного. Строили из камня армяне крепости, дворцы, дома. Есть в республике мосты из камня, перекинутые через реки еще две тысячи лет тому назад.

Горы в Армении — щедрые горы. Охотно дарят они свои удивительные камни друзьям. Сухие и легкие плиты арктического туфа украшают многие здания Москвы. Бледно-зеленые колонны станции метро «Киевская» высечены из знаменитого агамзалинского оникса из-под Еревана. Просторные и светлые станции «Павелецкая», «Новокузнецкая» облицованы мрамором агверанского месторождения. Из плит армянского туфа построен машинный зал восстановленного после войны Днепрогэса.

А город Ереван весь кажется розовым. Это из-за розового туфа. Из него сложено большинство зданий столицы.

Горы!.. Неудержимо тянутся они к небу, громоздя друг на друга каменные глыбы. Они красивы и неприступны. Но, если жить в этих горах — нужно же где-то сеять хлеб!.. А горы почти не оставили места для полей. Не потому ли армяне, так любившие свои горы,

ценили все-таки долины? Каждая из них была на учете.

Во втором веке до нашей эры летописи сообщали о том, что «не было невозделанной земли в Армении ни в горах, ни на полях». Каждый свободный клочок земли возделывался и засеивался. Армения была родиной многих сортов пшеницы, ржи, винограда, клевера, вики, люцерны. Каждый год неутомимые археологи находят в Армении бронзовые вилы и серпы, а в глиняных сосудах — зерна ячменя и пшеницы.

У гор был отвоеван каждый доступный клочок земли. Тепла тоже хватало. Но воды!.. Вот с нею была беда. Правда, в центре армянского нагорья почти на двухкилометровой высоте лежит «самое большое из высоких озер и самое высокое из больших» — Севан. В сказках это озеро до сих пор называют еще «Гехамским морем». Тридцать рек и речек бегут в него с горных хребтов, на дне бьют подземные ключи. Да вот беда: вытекает-то из него одна-единственная река — Занга. Не могла река напоить все поля.

А другие реки? Они, конечно, были, но все спешили вниз, вниз — и значит из Армении.

Так было до Великой Октябрьской революции. И только, когда армянский народ стал полноправным хозяином своей земли, он построил на реках плотины, заставил воду крутить колеса могучих турбин — и в горные деревни пришло электричество, а на поля — вода. Первой была построена гидростанция на Занге, потом вырос «Севангэс». К полям потянулись каналы. А в Араратской долине пробурили сотни артезианских колодцев, и вода хлынула из-под земли, по трубам водопроводов устремилась к полям и садам.

Армяне всегда относились к воде с большим уважением.

Однажды в Верховный Совет республики пришли ходоки из Паракарского колхоза.

— Хотим украсить воду, — сказали они. — Дайте нам самого лучшего художника.

И в Паракар поехал молодой архитектор Рафо Исраэлян, построил у родника каменную стелу, на которой начертал имена героев, защитников Родины, уроженцев села.

Таких памятников возле родников в Армении много.

Что такое 60 лет по сравнению с веками? Песчинка и гора. Но за последние 60 лет неузнаваемо изменилось лицо Армении. Для примера взять хотя бы столицу республики — Ереван. Каким он был раньше? Маленький губернский городишко с тесными грязными улочками. Каждый день в четыре часа пополудни с песчаных склонов Канакерских гор налетал на него ветер, который ереванцы называли «пыльной бурей». Тучами неслась с гор мелкая колючая пыль. Навстречу ей с улиц поднималась своя пыль — городская. Летел по дорогам мусор, кружились в воздухе обрывки каких-то бумажек, пыль лезла в глаза, в уши, хрустела на зубах. А вода? Вдоль улиц текли грязные замусоренные арыки, возле колонок водопровода не просыхали лужи.

В ноябре 1920 года в Армении установилась власть Советов. Весть об этом донеслась до всех армян, живущих вдалеке от Родины. Тысячи их потянулись к своей земле. В числе других в 1923 году приехал архитектор Александр Иванович Таманян. С грустью посмотрел он на Ереван и с грустью сказал:

— У Армении нет своей столицы, надо ее строить.

И армяне взялись строить свою столицу.

Прежде всего они вступили в поединок с «пыльными бурями». Сегодня песчаные склоны Канакерских гор уже не голы. Сотни деревьев ухватились корнями за склоны, укрепили почву, прикрыли ее от солнца зеленой шапкой своей листвы. И в самом городе не оставалось больше пыли: скрылась она под асфальтом.

И хотя, согласно учебникам географии, Ереван находится в «зоне пустынь» — это очень зеленый город. Таким его сделали люди. В столице респуб-

лики появились скверы, бульвары, с четырех сторон окружили город парки культуры и отдыха.

Около двенадцати лет строил новую Армению Александр Иванович Таманян. Во всех городах республики есть дома, созданные по его планам и чертежам. Сносились кварталы старых домиков, рушились глиняные заборы — по их обломкам прокладывались новые дороги, поднимались стены зданий. В Ереване Таманян построил Дом правительства и Театр оперы и балета.

В столице республики появилась консерватория, университет, открылись музеи, начала работу Академия наук Армянской ССР.

Есть сейчас в Ереване еще одно здание — Матенадаран, что в переводе означает «рукописохранилище». В стенах этого удивительного здания века встречаются с веками.

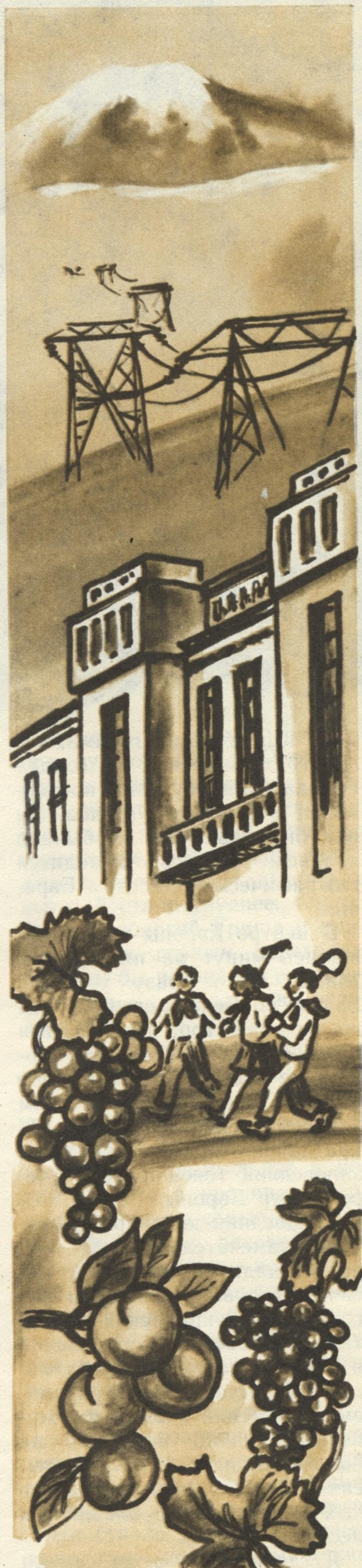
У его подножия стоит памятник Месропу Маштоцу — создателю армянского алфавита. На базальтовой стене рядом с памятником начертаны слова: «Познать мудрость и наставление, понять изречение разума», — первые слова, написанные на армянском языке армянскими буквами.

Шумит новый Ереван — город ученых, студентов, рабочих. Выросли на его улицах заводы, фабрики. И Ереван помнит, как в 1920 году, когда не хватало всего самого необходимого, из Москвы, Петрограда и других городов были посланы Советской Армении станки и медикаменты, пшеница и ткани.

Сейчас сама Армянская ССР состав за составом посылает в Москву республикам-сестрам грузовые автомашины и автопокрышки, трансформаторы, насосы, электролампы, ткани, ковры, холодильники, обувь, фрукты, овощи, сахар, табак!.. И, конечно, стройматериалы. В первую очередь — знаменитый армянский камень. Ведь она — страна гор!..

Л. ГАВРИЛОВ,
В. СУСЛОВ

Рисунки Н. Котляревского

За Карпатскими горами, километрах в десяти от города Рахова наш грузовик притормозил у каменного столба. На нем была высечена необычная надпись: «Здесь находится географический центр Европы».

В центре Европы мы задержались минут на пятнадцать. Жалко было сразу уезжать. Вокруг пламенели осенние леса по склонам гор. Над лесами простирались знаменитые карпатские луга — полонины. По берегу Тиссы вагон за вагоном тянулся товарный состав. И кратчайший путь в Карпатский заповедник тоже проходил через центр Европы.

Заповедник этот, прямо скажем, замечательный. В нем, на площади восемнадцати тысяч гектаров, «прописаны» высочайшая в украинских Карпатах гора Говерла и крупнейший в Европе массив буковых лесов. 52 вида редких, охраняемых растений и 29 видов животных можно встретить на высотах от двухсот до двух тысяч метров, в разных природных поясах — от смешанных лесов до тундры.

Я добирался сюда двумя

МОЯ РОДИНА — СССР

ЗАПОВЕДНИК В

самолетами, поездом, попутным автобусом — выгадывал время пересадками. Но у самой цели получилась заминка. Директор, Дмитрий Степанович Саик сказал так:

— Зря вы спешили. Располагайтесь, отдыхайте, ждите, когда пойдет попутная машина к Черногорскому хребту.

Только и оставалось смотреть на горы снизу вверх, запрокинув голову.

— Что, если пешком подняться до приюта, заночевать там, а наутро перевалить Черногорский хребет? — предложил мой новый знакомый, биолог Григорий Лазуткин. Я, конечно, поддержал идею.

А директор? Он согласился отпустить нас в горы, но с условием: на случай непогоды и «прочего непредвиденного» — разыскать и взять с собой лесовода Василия Саса. Мы сели

в машину. Дорога петляла вдоль Тиссы, как в кино, когда показывают погоню. Мелькали разноцветные кадры: огороды, постройки, желто-красно-зеленые леса. Вскоре мы догнали какого-то мотоциклиста. Выслушав нас, он махнул рукой и... умчался снова: домой, собираться в горы. Это и был Сас.

Через полчаса он встречал нас на пороге своего дома, с рюкзаком и двухстволкой за плечами. Подтянутый, ладный, форма лесной охраны со звездочкой на лацкане сидела на нем ловко, как военная.

— Ружье-то зачем в заповеднике? — спросил я.

— По уставу положено, — серьезно ответил Василий.

Здравствуй, заповедный лес! Наконец-то мы встретились! От

ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

моста над Белым потоком круто поднималась усталая лиственницами тропа. Бук и ясень, ильм и явор неслышно роняли их под ноги. Нас обступали гладкие и мощные, три обхвата в основаниях, стволы. В высоких кронах просвечивало пасмурное небо. Казалось, деревья опускаются оттуда, с неба, словно мы были на дне глубокого, занесенного листвой колодца.

Шли медленно, сберегая силы, в такт шагам отмеряя короткие фразы. Пока шли, говорили о лесе, о том, как его охранять.

— Какая нужда лесорубов к нам толкает? — недоумевал Василий. — Знают же, что у нас валить лес запрещено. Пастухи туда же, с ними попробуйте сладить.

— Интересно, чем вам пастухи досадили?

— Пригонят отару на вы-

пас, — начал Гриша, — овцы вытопчут полонину, а на ней, считайте: горечавка, прострел белый, радиола розовая — редкостные растения.

— С овцы не спросишь, — вмешался Василий, — а люди должны понимать... Не было бы счастья, да на соседнюю полонину медведь повадился. И как задрал двух быков, овец — перегнали стадо подалее от наших границ.

Еще при въезде в заповедник я заметил красочный плакат с симпатичным мишей, похожим на олимпийского, и подписью «Хозяин леса».

— Часто доводилось встречаться с хозяином? — спросил я.

— Со счету сбился, — улыбнулся Василий, — но первого свидания не забуду. Иду по горной тропе, о чем-то задумался. Поднимаю голову — он в метре надо мной, смотрит

испуганно. И я от страха и про ружье забыл... Разбежались в разные стороны!

С высотой лес постепенно менялся. Исчезали породы лиственные, все больше появлялось хвойных. И дышать с высотой стало труднее. Спасибо, длинноногий Гриша и привычный к горным переходам Сас как бы невзначай останавливались — давали мне передышку.

— А всего опаснее встреча весной, когда медведица выходит из берлоги с медвежатами, — продолжал Василий. — Детеныши глупые: бегут за человеком, прямо льнут к ногам. Как-то в урочище Озерном я на такую семью наткнулся. Медведица расвирипела, уже на задние лапы поднялась. Что делать? У меня только пояс патронов — ружье другу дал. И бежать некуда — кругом молодой лесок, на дерево не влезешь.

— Как же спаслись?

— Друг вовремя показался, она и наутек, и детишки следом. Молодая была медведица, старая бы меня не пожалела.

На стволе елки был счищен квадратик коры, химическим

карандашом помечена высота над уровнем моря «1150 метров». Василий первым скинул рюкзак, Отдыхаем!

Я узнал, что на такую ель он лазал по просьбе одного ученого из Ивано-Франковска — за семенами. Закинул крючья на макушку и по веревке полез. Ель качается, колени дрожат, но большой полиэтиленовый мешок семенами наполнил. В другой раз ночью выводил того же ученого и пятерых студентов из лесу. Темень — глаз выколи, а все-таки вывел. Теперь я понял, почему директор не хотел отпускать нас в горы без Саса.

Уже сходились сумерки. Степной стояли вдоль тропы мрачноватые карпатские ели с чуть вздернутыми нижними ветвями. И вдруг перед нами открылась поляна. Пологим травянистым склоном тропа заспешила к жилью.

Приют Брецул на высоте 1450 метров — несколько домишек и забранный жердями загон для скота — огласился лаем презлой собачонки. Она едва нас не перекусила! Здешний сторож Петр Иванович Даниук, даже и не пытаясь ее унять, сразу пригласил нас в дом.

Потрескивали дрова в печи. Из рюкзаков мои спутники достали разную снедь: сало, яйца, чищенные луковицы, жесткие закарпатские яблочки. На столе появился крепкий, заваренный дедом чай. День, начавшийся для меня на берегу Тиссы, тихо догорал высоко в горах, в Брецуле. Нас троих сдружил этот хмурый осенний день — у нас была общая цель и одна тропа за плечами.

Комнатка деда была крохотной, и ночевать мы устроились на нарах, в студеной комнате приюта. Зато каждому дед выдал по четыре одеяла и три спальных мешка и керосиновую лампу. Теперь не пропадем!

Я попросил Василия рассказать, как лесная охрана «воюет» с браконьерами.

— Разные бывают браконьеры, — вздохнул он. — Когда чужой дядя в лес забрался,

его легче за руку схватить. Местные набедокурят — к ним подход особый.

— К примеру, был такой случай. Парень из нашего села попался с удочкой на потоке. Как положено, заплатил штраф, обещал, что исправится. Однажды еду на мотоцикле, смотрю: он снова с удочкой шагает. Я для вида «уехал», сам бросил машину в кустах и подкрался к его укрытию. Что вы думаете? Ловит!

— Опять оштрафовали?

— Честно сказать, еще и выкупал!

— Ничего себе, воспитательный подход...

— Зато больше не браконьерит... А вот в Малой Уголке другой подход нашли. Село стоит в заповедном буковом лесу. Там кто зайца подстрелит, кто вязанку хвороста соберет. Не со зла — по привычке. Тогда решили организовать в селе школьное лесничество. Сшили ребятам форму, несут дозор в лесу и на реке. Родители, глядя на них, и перевоспитались.

Заснули мы лишь под утро.

Разбудили нас дедовские петухи.

Небо голубело, солнце, поднявшись над гребенкой гор, сияло ослепительно. Умываться, и в путь, на Говерлу!

Мы миновали полонину, изрытую кабанами в поисках лакомств — луковиц, кореньев. Следующая остановка была на высоте 1600 метров, у размеченной колышками площадки.

— Мой первый лес, — сказал Василий и солидно откашлялся. — Бук, пихта, ель. Посадки 1970 года.

Смешанный лес? Тут росли малютки-елочки, не выше колена, и ничего другого. Бук и пихта не прижились. Но вины Василия в этом не было. Ведь опытные посадки сделаны как раз на верхней границе произрастания леса. Выше — иной пояс растительности, где изогнутые ветром прижимались к земле заросли горной сосны, зеленой ольхи, сибирского можжевельника.

Поднявшись на этот «этаж», мы долго петляли по тропинке среди чахлого кустарника. Забредли даже в небольшое болотце. И наконец оседлали хребет, тянувшийся к Говерле.

Тут пришлось карабкаться по камням и жухлой, посеребренной инеем траве. Торопясь, я скользил и спотыкался и вскоре начал отставать. Василий замедлил шаги, подзвал меня:

— Видите?

— Ну, вижу. — В лунке среди камней пробивался крохотный ключ. Чашка с водой, едва переливавшаяся через край.

— Начало реки Прут! — Чуть ниже к струйке из «чашки» присоединялись еще две. Вместе они исчезали за откосом. Никогда бы не подумал, что по другую сторону Карпат набравший силу ручеек срывается могучим водопадом. Становится потоком, шумливым и своенравным. Но скоро сам в этом убедился.

А пока Сас и Лазуткин по очереди прильнули к роднику, ополоснули разгоряченные лица, и я — за ними.

— Сладко? Нигде на такой высоте живой воды не найдете.

...На вершине Говерлы лежал чистый нетронутый снег. Он не таял даже под яркими лучами.

Мы с Василием подошли к самому краю.

— Вон те светлые пятнышки в долине — мое село, — задумчиво сказал он. — Крыши блестят. Я там родился, и мои родители, и их родители. Дед у меня лесовод, дядя лесничий. Вот и я пошел по их стопам...

— А когда вы впервые поднялись на эту гору?

— Семь лет мне было, — откликнулся Василий. — Отец сказал: привыкай, мол, сынок, подрастешь — отыщешь клады гуцульского атамана Олексы Довбуша, что, по преданию, в Черногорском массиве спрятаны. Шутил, конечно. Вот они, те клады, — Василий повел рукой, — нам завещаны.

С высокой точки — 2061 метр — смотрели мы на заповедные карпатские клады: горы, леса и полонины.

Аркадий СОСНОВ
Рисунок В. Лебедева

ДЕДУШКИНА БАКЛАЖКА

Степан ЖУПАНИН

Дедушкина баклажка
Слышала битвы гром,
Деду бывало тяжко —
Баклажка была при нем.

В жарком бою когда-то,
Под яростным под огнем,
Надо испить солдату —
Баклажка всегда при нем.

Не стало зимою деда,
Баклажка теперь при мне,
И я, как дед до победы,
Ношу ее на ремне.

А ночью висит баклага
На гвоздике у дверей.
Мне снится друзей ватага,
Проснуться бы поскорей!..

Июль за окном, и скоро
Петух пропоет рассвет.
Пойду я с друзьями в горы
Туда, где сражался дед.

Увижу окоп, в котором
Лежал с пулеметом он,
И небо над старым бором
И в старых воронках склон.

На бруствере куст ромашки
Как солнышко золотой...
Из дедушкиной баклажки
Его напою водой.

Перевел с украинского
А. КРЕСТИНСКИЙ

Пятёрка-лесу!

Материал подготовлен для
«Костра» редакцией пионер-
ского журнала ГДР «Фрёзи».

ЛЕС ПОЛУЧАЕТ ОЦЕНКИ

Да, да, — вы не ошиблись: оценки от единицы до пятёрки. Смотря по тому, в каком состоянии лесной участок. И уж если лесу поставили пятёрку, это значит настоящий красивый лес.

А вот недалеко от города Эберсвальде в поселке Бритц есть лес-двоечник. Тощие сосенки с хилыми веточками, мусор. А сколько насекомых-вредителей!.. Он как раз такой, каким лес не должен быть!

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ ДЛЯ „ОТСТАЮЩЕГО“ ЛЕСА

К счастью для леса, в Эберсвальде есть пионерская Станция юных техников и натуралистов. Пионеры Эберсвальде занимаются в разных кружках, в том числе — орнитологов, энтомологов, лесоводов и в кружке культуры социалистического сельского хозяйства. С 1979 года они выполняют общее задание-исследование: улучшить положение с лесом у поселка Бритц. А помогают пионерам сотрудники Эберсвальдского института лесного хозяйства. При следующей проверке запущенный лесной участок должен получить хотя бы тройку. Легко сказать, да не легко сделать...

МЫШИНЫЕ КРЕПОСТИ

Антье Леман из кружка культуры социалистического сельского хозяйства объясняет: «Это не крепость, которую «обороняют» мыши, наоборот, это мы устраиваем такие крепости в разных местах в лесу. Насыпаем в них корм, чтобы привлечь мышей. Ведь есть много полезных мышей: они-то и помогут нам победить вредителей. Сначала мы, конечно, узнали, какие виды полезных мышей здесь встречаются».

Вот так и мыши помогут лесу получить хорошую отметку. Антье знает все это, так как она посещает кружок уже два года. Она твердо решила в будущем стать учителем биологии.

ЛОВУШКИ ДЛЯ ЖУКОВ

Их расставляют юные энтомологи, то есть те, кто изучает насекомых. Ловушки подвешивают между деревьями. Насекомые на лету ударяются о стекло и падают вниз, в подставленный лоток с усыпляющим веществом. По количеству попавшихся насекомых можно установить, много

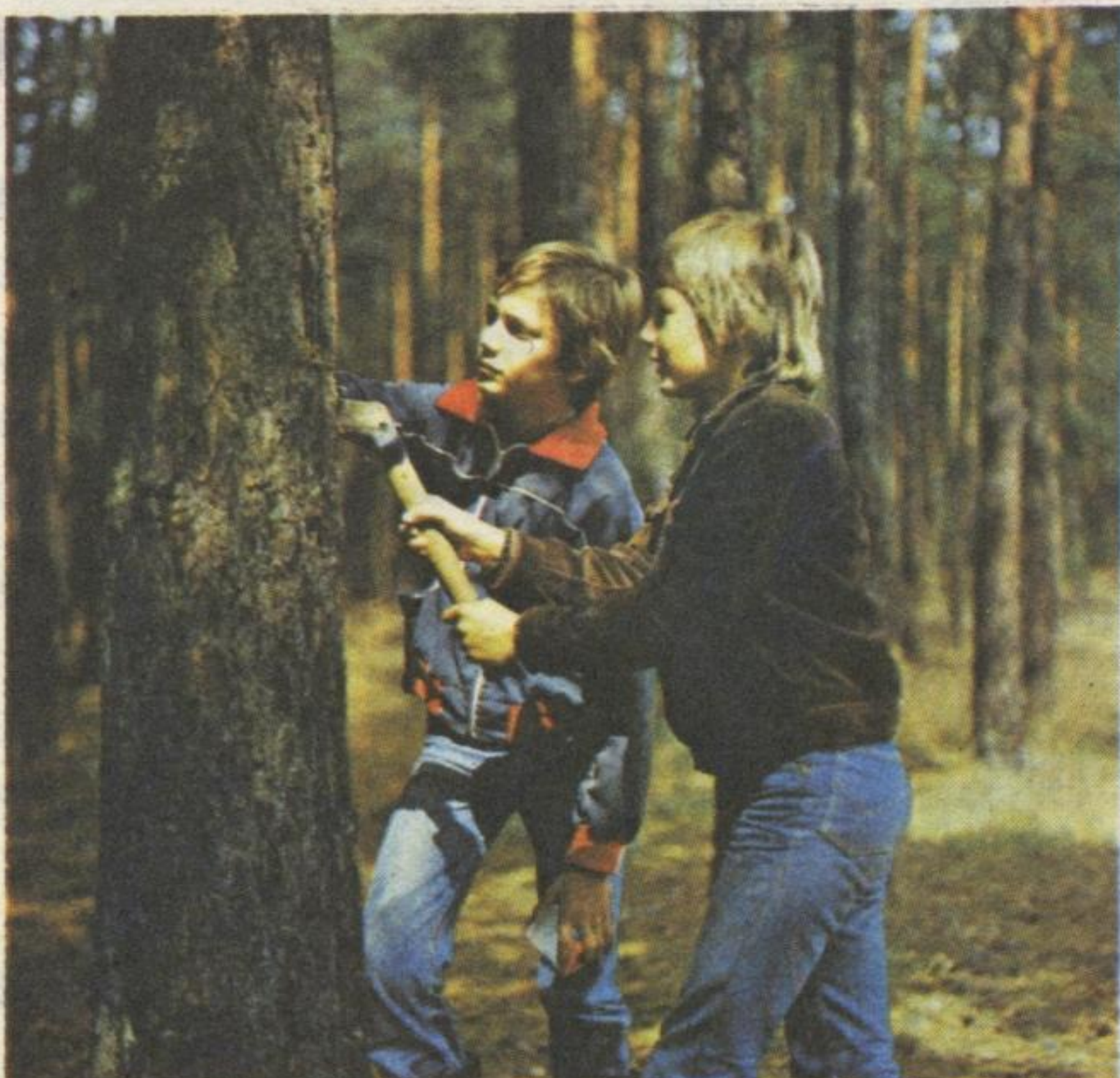
ли жуков того или иного вида на этом участке леса, чтобы знать, каких вредителей искать и уничтожать.

Райко Цайдлер отлично знает, где искать вредителей — под корой деревьев.

Большой лесной садовник и короед — злейшие враги леса. Райко мечтает о зеленой форме лесничего. Берегитесь тогда, короеды!

БЛАГОУСТРОЕННЫЕ КВАРТИРЫ

...для желторотиков или, по-научному, для птенцов птиц, откладывающих яйца в дупла, осматривает Андреас Гроте. Ему 15 лет, и он занимается в кружке орнитологов, заботится, чтобы в лесу было достаточно птиц. Ведь птицы поедают огромное количество вредных насекомых, а значит, тоже помогают лесу исправить плохую оценку. Орнитология — хобби Андреаса, в свободное время он бродит по лесу со своим псом и наблюдает жизнь животных в их природной среде. Много хлопот доставляют Андреасу любимцы дятлы. Своими клювами они расширяют окошечки-летки в скворечниках, чтобы самим туда забраться, хотя скворечники и другие домики для птиц предназначаются вовсе не для дятлов. Кружковцы нашли выход из положения — передняя стенка домика делается теперь из

пластмассы. Здорово удивились дятлы — долбить пластмассу все равно, что гранит долбить.

„ВИШНЕВЫЙ КОМПОТ“

— любимое лакомство многих птиц. Илья Хоэнштерн уже несколько лет в кружке лесоводов и посадила в нашем лесу много вишен и других деревьев.

«Плоды этих деревьев, — говорит Илья, — корм для птиц, которые здесь поселятся. Птицы, в свою очередь, уничтожат насекомых-вредителей. Так мы восстановим биологическое равновесие, и лес придет в норму». Илье 12 лет, она хочет стать переводчицей. Вместе со своими друзьями из кружка она помогает приводить в порядок домики для птиц и расчищать дорожки в Эберсвальдском ботаническом саду.

На нашем лесном участке Илья и ее друзья соорудили вал из хвороста: во-первых, расчистили лес, а во-вторых, такой вал — хорошее жилище для птиц, мышей и других полезных лесных животных.

ПЛАНЫ

— Наши планы на ближайшее будущее, — говорят пионеры из Эберсвальде, — отличные. Мы все вместе работаем на лесном участке, который скоро будет выглядеть куда приличнее. Это и дело полезное, и какое огромное удовольствие в то же время! А потом — летний лагерь для «специалистов», где будут новые задания, и увлекательные экскурсии, например, на озеро Кранихзее, и кабан на вертеле! Многие бывшие пионеры-кружковцы уже стали руководителями кружков, как, скажем, Петер Прильвитц.

Да, здесь деревья растут выше неба. И — не просто так, сами по себе, а потому, что пионеры из Эберсвальде и их друзья и помощники делают для этого уйму полезных дел. И лес будет получать только пятерки!

Перевела с немецкого
Г. СНЕЖИНСКАЯ

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ БРАТИКУ

В доме тихонько мурлычет котенок,
В кроватке не плачет малютка-ребенок.
Ночь наступила, пришла тишина,
В небо, как мячик, взлетела луна,
Звезды сверкают, искрятся, играют,
Словно живые...

Над фонарями шурша пролетают
Серые бабочки, мошки ночные.
Скоро погаснут и фонари,
А ты, мой дружок, крепко спи до зари.

Наташа Рогалева,

13 лет,
Владивосток

ЗДРАВСТВУЙ, ВСЁ!

Проснулся малыш,
Потянулся малыш.
И сказал он солнцу, небу:
— Здравствуй, всё!
Быстро встал,
Убрал кроватку,
Сделал ловко он зарядку,
Выпил кофе, съел котлету,
Улыбнулся солнцу, лету:
— Здравствуй, всё!

Наташа Квачук,
3 класс,
Москва

ЕЖИК

Мы нашли ежа в малине
На канаве у дороги.
Принесли его в корзине,
Отпустили на пороге.

Ёжик фыркнул, помолчал
И ногами застучал.
Целый день свои колючки
Он от нас не убирал.

В тесто мамино залез,
Мама очень рассердилась.
Отнесла его я в лес,
На полянке с ним простилась.

Наташа Кашинова,
5 класс,
Ленинград

Рисунок А. Ивашенцовой

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Будто капли серебра
На лугу горят,
Дождика слезы
На траве дрожат.
Бархатное зарево
Встало над лесами,
Радуги-чудесницы
Выгнулись мостами.
Из-за рваной тучи
Солнышко блеснуло,
Осветило кручи.
Лесу улыбнулось.
Сосны заалели.

Все кругом проснулось.

Альбина Ветрова,

14 лет,
Днепродзержинск

ЛЕСНОЙ РУЧЕЙ

Бежит в глуши таежной
Совсем-совсем ничей
Искрящийся, холодный,
Стремительный ручей.

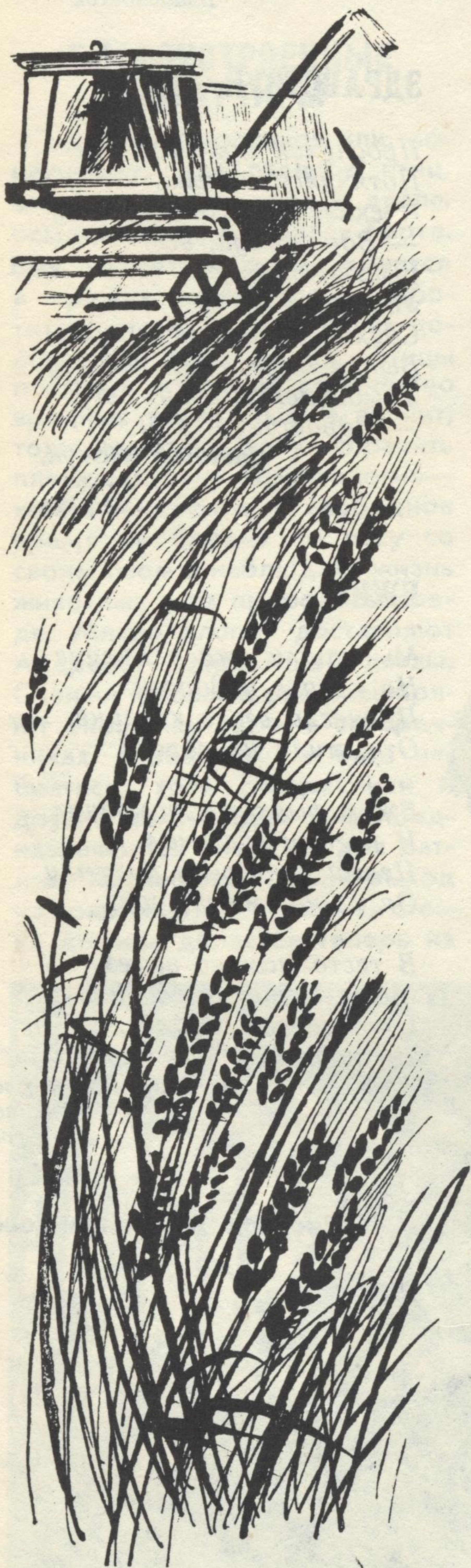
Его никто не держит,
Пусть убегает вдаль,
Несет с собой прохладу
И легкую печаль.

Алла Купцова,
4 класс,
Москва,

ЗВЕЗДОЧКА НА КОМБАЙНЕ

Александр ГРЕЧУХА

Комбайн был большой, как дом, даже больше верблюдов, которые бродили по пустым осенним огородам и которых мальчишки страсть как боялись: верблюды ревели и плевались желтой пеной. Комбайн назывался «СК-4». У него, как у верблюда, была длинная шея. На бункере — девять звезд.

Когда тракторист и дядя Павлик зашли в дом перекусить, мальчишки мигом оказались у комбайна. Трактор добродушно урчал на малых оборотах, заставляя комбайн слегка подрагивать. Славик еле втащил по крутому железному трапу Петю и вступил на капитанский мостик. Вот для чего звезды нарисованы — это же боевой корабль! Сколько звездочек — столько потоплено вражеских кораблей.

У братьев морской бой был в самом разгаре, когда взрослые кончили обедать. Пришлось спуститься на землю.

Дядя обошел комбайн, попинал ногой баллоны, покачал рукой хедер.

— Ну что, будем ремонтировать, хлопцы?

— Будем!

— Ключ на восемнадцать.

— Есть ключ на восемнадцать, — отвечали братья и подали дяде ключ под комбайн.

Скоро мальчишки знали назначение всех частей комбайна, даже узнали, что по длинной «шее» из бункера в машины зерно сыпают.

— А звездочки зачем?

— Это столько сотен тонн намолотил я хлеба. С вашей помощью еще одну заработаем.

Вскоре уговорили маму отпустить Славика в поле, «понюхать, чем хлеб пахнет».

И вот он сидит за спиной у дяди Павлика, гордо оглядывая море пшеницы, аккуратно подстригаемое комбайнами.

— Славка, не зевай, копни-

тель полный! — кричит ему дядя. Славкина обязанность дергать за веревку. От этого сзади комбайна раскрывается решетчатая дверка люка и оттуда вываливается копка соломы. В короткие остановки они спускались с комбайна и шли к копешке. Дядя долго ворошил солому, набирал пригоршню мягкой соломы и дул на нее. Если на ладони оставалось хоть одно зернышко, дядя мрачнел и, опустив голову, шел к комбайну что-то регулировать. А Славик подавал ему ключи.

И корабль снова плыл по бесконечным волнам пшеницы. Жаркую монотонность изредка нарушали взлетающие из-под жатки перепелки.

Вечером на полевой стан приехал председатель колхоза. Он привез дяде Павлику красный флажок — вымпел за тысячу тонн намолоченного хлеба.

Домой Славик возвращался на «газике» председателя. Глаза слипались. Может быть, виной этому была длинная ночная дорога или мячик света от фар, скакавший по обочине, или урчание мотора...

В конце концов он уже не слышал, как ткнулся лицом в широкую председательскую спину.

Долго путь с полей через ток и правление до дома. Славик несколько раз успел повториться один и тот же сон: он захватывает руками снопы и трясет — трясет их, чтобы вытрясти все до единого зернышка, а из-за края поля выезжает огромный корабль. Славик сгребает руками зерно, чтобы не сожгло их жаром. Подходит дядя Павлик и говорит: «Спасибо, Слава, и вот тебе в награду — звезда». И рисует на комбайне белую звездочку.

А вокруг стоят усталые, пропыленные хлеборобы и поздравляют его, Славку.

Во всем осень виновата... И когда она успела все так переиначить, что узнать ничего нельзя?

Леса вокруг нашего поселка только что зелено-зеленехоньки были, а сейчас там и рыжее, и желтое, и красное полыхает. Горят леса вовсю, а дыма нет. А вон то поле овсяное недавно еще светилось-золотилось, а теперь посерело, пожухло, и коровы на нем, пустом, пасутся. А ячменное даже черным стало — перепахали его.

Вот так и хозяйничает. По утрам возьмет и сидины в траву напустит — земля сразу старой-престарой покажется. А то в туман все упрячет.

И в лесу — ничего не узнать. Вроде лес тот же, но только все в нем по-другому. Беспорядок кругом, сору полно, деревья и кусты взъерошенные, растрепанные. Одни — ярким нарядом красуются, другие полураздетые дрожат.

Стволы березовые почему-то голубыми сделались — от холода посинели. Тут еще туча над лесом повисла и накидала дождя.

Бреду по полянке. К сырým сапогам жухлые травинки и желтые листья налипли.

Вот знакомая береза с изогнутым стволом. В изгибе его так удобно было сидеть. «Привет, береза!» Сбросила она мне на руку две золотые монетки.

Села я на пень возле осины — отдохнуть. Нечаянно вниз глянула и вижу — в осиновых листьях дождевые капли лежат и подрагивают. Смотрю — в одной капле что-то темное перекачивает-

ся. Склонилась ниже — муравей! Застрял там ногами и брюшком, крутится, вырваться старается, а не может!

Глянула вокруг пня — да тут целое стихийное бедствие, потоп! Чуть не на всех листьях, где капли лежат — муравьи барахтаются. В одной даже два вместе. Видно бежали к муравейнику через листочки, а тут задождило — вот и попались в водяные ловушки.

Сняла я куртку, повесила на осину и начала муравьев спасать. Стебельком травы поддену муравьишку под брюшко и вытащу из воды. Положу на сухое место, а дальше он сам старается — ножками шевелит, трясет, пока от воды не избавится. Избавится — и побежал скорей.

Долго я так муравьев спасала. А когда распрямилась и огляделась — опять ничего вокруг не узнать. Весь лес в солнечном свете купается и золотом горит. И весь уже другой. Совсем рядом пылает рябина — ягодами и листьями. Вдруг что-то большое и черное порхнуло над головой — огромная ворона прямо на рябиновый костер полетела, чуть хвост не подпалила и закаркала.

Спасенные муравьи благополучно до кучи добрались. А я домой пошла.

Иду и оглядываюсь — вдруг опять лес изменится?

З. ПИРОГОВА

Поселок Верхний Уймон,
Горный Алтай

С мамонтенком Димой — в Японию

В. ТАНАСИЙЧУК

История эта началась сорок тысяч лет назад, когда маленький мамонтенок потерял свою мать. То ли она свалилась с обрыва, то ли убили ее охотники... Детеныш, еще не умеющий добывать себе пищу, был обречен — и после недолгих скитаний погиб, увязнув в маленьком озере. Неторопливо текли тысячелетия, вымерли мамонты и шерстистые носоро-

ги, люди научились делать бронзовые, а потом и железные орудия, изобрели паровую машину и самолет; а мамонтенок все лежал под слоями промерзлого песка и глины. И вот

летом 1977 года золотоискатель Логачев, сняв бульдозером очередной пласт земли, увидел мамонтенка.

Ученые отвезли мамонтенка в Ленинград и, пропитав парафином, — выставили в Зоологическом музее, рядом с огромным чучелом Березовского мамонта. А потом мамонтенок стал путешественником — им заинтересовались люди во всем мире, всюду его хотели увидеть. Он съездил в Англию, потом в Италию и наконец — в Японию.

Почему вызывает такой интерес мамонт и все, что связано с ним?

Интерес к истории Земли всегда был велик, и любые находки, связанные с живыми существами, которые жили на Земле миллионы и сотни тысяч лет назад, поражают воображение.

Мамонт — это единственное громадное животное, которое мы видим целиком таким, каким оно было много тысяч лет назад. Ведь динозавры, ихтиозавры — все, что мы знаем об их внешнем виде — фан-

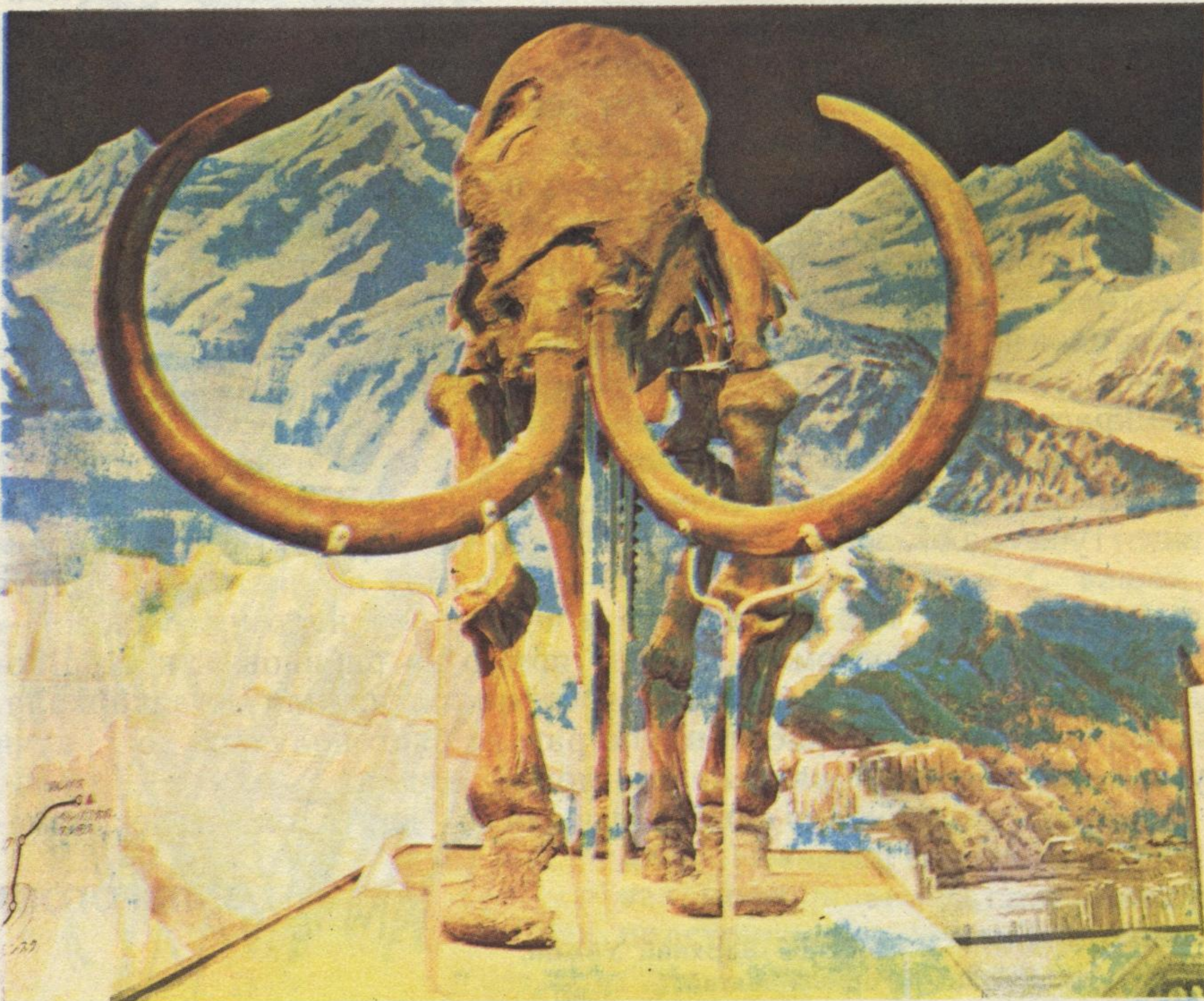
тазия художников. Правда, фантазии не беспочвенны — в основе их изучение костей и отпечатков на камне.

А мамонт — вот он! Словно рушится глинистый берег и перед глазами изумленного человека появляется гигантский слон, вымерший 10 тысяч лет назад.

...Ярким осенним утром мы подъехали к большому бетонному павильону в городе Инуяма. Во всю его стену высилось панно с оленями и мамонтами, бродящими на фоне снежных гор. Самый большой мамонт был сделан так, что из панно выступали два его колоссальных бивня и огромная, тяжелая нога. Из скрытых динамиков разносился звериный рев и время от времени звучал голос диктора. Мы не понимали слов, но знали, что он говорит:

— Дорогие гости, добро пожаловать на большую советскую выставку «Мир мамонта»!

Каждый раз проходя по ней, я поражался богатству: сотни экспонатов, и у каждого своя причудливая история. Вот скелет шерстистого носорога — огромного, тяжелого зверя с двумя рогами, задний короткий, а передний огромен, метра полтора в длину. Это чудовище нашли в самом центре якутского поселка Чурапча, когда один из жителей надумал выдолбить погреб в вечной мерзлоте.

А вот скелет оленя — такого большого, что даже научное название его — гигантский олень. Рога так огромны, что кажется, шея животного должна переломиться под их тяжестью — два метра в размахе. Какие же мощные мускулы были у этой шеи.

Огромный мамонтовый зал. Посредине его — чучело Березовского мамонта, гордость нашего Зоологического музея в Ленинграде. Нет, в Японию его не везли, его просто не вынести из музея — так он велик. Каким же чудом он попал сюда? Приглядевшись, видишь, что это не сам мамонт, а великолепная копия из пластика, сделанная японцами. А за ней грозно поднимает бивни мамонт Адамса — уж этот-то настоящий.

В 1799 году, в дельте Лены звенк Осип Шумахов увидел сползшую с обрыва колоссальную глыбу смерзшейся земли и льда. Из нее торчала покрытая длинной рыжей шерстью чья-то нога и конец великолепного клыка. О том, какова научная ценность находки, Шумахов, конечно, не знал, но цену мамонтовой кости знал хорошо. Несколько лет подряд приходил он к своей находке и смотрел, как солнце и дожди постепенно освобождают огромное тело. Когда в начале лета 1804 года бивни наконец обнажились, Шумахов вырубил их и продал заезжему купцу. А купец этот оказался человеком любознательным. Он не поленился, поехать с Шумаховым на место находки и не только внимательно рассмотрел удивительного зверя — но и зарисовал его: массивное, покрытое шерстью туловище, мощные ноги, крупная голова, короткий хвост. Но хобота нет — его к тому времени отъели песцы да волки.

Два года спустя в Якутск проездом попал адъютант Академии наук Михаил Иванович Адамс. Когда ему показали рисунок, он понял, что его долг — увидеть и спасти для науки зверя-гиганта. Не медля, он плывет по Лене, полторы тысячи верст — даже для Сибири путь немалый! Увы! Ока-

залось, что за два года мягкие ткани тела не только разложились — но и были изрядно объедены хищниками. Спасти хотя бы скелет! Найдя в ближайшем становище огромный котел для вытапливания китового жира, Адамс вываривает кости, сохранив в целости только голову, еще обтянутую кожей, да стопы передних ног. В том же 1806 году по санному пути он привозит в Петербург кости и откупленные у купца клыки, монтирует скелет и показывает его изумленным академикам. Ведь это был первый скелет мамонта, попавший в руки ученым! Именно по нему было сделано научное описание этого животного.

Напротив мамонта Адамса в глубокой нише, затянутой черным бархатом, как будто висит в воздухе залитый светом рефлекторов длинноногий и нескладный звереныш с хоботом, с остатками рыжей шерсти на ногах. Здесь всегда невообразимый галдеж; спереди толпятся японские дошколята и младшие школьники в коротких штанишках и юбочках, в одинаковых — желтых или голубых панамках (у каждой школы свой цвет), все с маленькими рюкзачками, яркими термосами на боку. За ними — школьники постарше в черной форме и фуражках с высокими околышками, школьницы в темно-синих матросках, еще дальше — взрослые с малышами на плечах — и все говорят, восхищаются, спорят. Время от времени служитель в красном кепи через мегафон просит тех, кто посмотрел, пройти дальше.

А дальше — настоящее столпотворение. Там лежит огромный бивень мамонта — 380 сантиметров в длину, 85 килограммов весом, и его можно трогать руками. Сотнями тысяч детских ладошек он уже отполирован до зеркального блеска.

В других залах куски кожи вымерших гигантов, оружие охотников за мамонтами, витрина с удивительными скульптурами из камня: медведь, волк, пещерный лев, сам мамонт с характерным горбом. Ползала занимает раскопанная

на Украине хижина из мамонтовых костей.

В последнем зале — звонкий барабанный перестук. Здесь на большом стенде лежит череп носорога и огромная кость мамонта, некогда служившие музыкальными инструментами. Теперь по ним тоже стучат — это разрешено! — и взрослые, и ребята — только не костяными колотушками, которыми барабанили древние музыканты — а легкими деревянными палочками.

Даже на нас, специалистов-зоологов, эта выставка произвела большое впечатление: ведь на ней выставили свои экспонаты лучшие музеи Ленинграда и Якутска, Москвы и Киева. Такой полной и разнообразной экспозиции по мамонтам и окружающему их миру нет больше нигде. Немудрено, что в Токио за первые два месяца прошло шестьсот тысяч посетителей.

Отвечать на вопросы ребят очень интересно. Больше всего, конечно, они спрашивали о мамонтенке — как и отчего он погиб, как его нашли, и нельзя ли оживить? Спрашивали и о том, почему вымерли мамонты, и очень удивлялись, узнав, что не от холода, а наоборот — от тепла. Да-да, от того, что климат потеплел. Кончился ледниковый период, климат стал более влажным, дождливым. Мерзлая земля стала оттаивать и превращаться в болотистую тундру, по ней не могли ходить такие гиганты, как мамонты и носороги. Да и есть им стало нечего — травы стали тощими, низенькими, влажную почву стали покрывать мхи.

Через три месяца мы улетели на родину, а выставка осталась в Японии до будущей весны. Она будет переезжать из города в город, и миллионы людей будут удивляться, глядя на скелеты огромных зверей, разглядывать мамонтенка, любоваться каменными фигурками — и думать о труде русских ученых, которые нашли и сохранили все эти замечательные экспонаты. А миллионы маленьких ладошек будут гладить огромный изогнутый бивень...

Фото автора

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

Н. СЛАДКОВ

Рисунки В. Топкова

СЕРДЦЕ ЛЕСА

В самом сердце темного леса — светлое озерко. Всего-то глубиной по колено, но какая-то непонятная сила скрывается в нем.

Со всех сторон к озеру сбегаются тропки. Не людьми тропинки пробиты, и следы на них не человеческие. На грязи отпечатки копыт и когтей. Озеро как магнит притягивает лесных обитателей, каждому от него что-то надо. Кто бы мимо ни шел — непременно остановится и свернет.

Свернул и я. Примостился под деревом, оперся поудобнее о ствол спиной — и превратился в россыпь теней и бликов. Одни глаза у дерева, дерево смотрит моими глазами.

...Из отраженного облака вынырнула ондатра, погнала пружинистые круги воды. Черные голые пальчики закопошились у щетинистых щек, торпливо заталкивают что-то в рот. Вот поплыла к краю облака, волоча за собой проволочные усы, да бульк с облака в голубую бездну неба!

По берегу — зеленой скользкой каемочкой! — сидят лягушки. Сидят и сплетничают вполголоса. Да вдруг как заорр-р-р-рут, как зар-р-р-ругаются! Кулик-черный задумчиво посмотрел на них и закачался на длинных ножках, как на качелях.

Трясогузка-спортсмен мчится на детском велосипеде — только ножки — спицы мелькают. С разгона мушкетерский выпад — и муха в клювике, как на рапире!

С оглядкой вывела на воду утят утка-гоголь. Пушистые, белощекие, один за другим — словно детсадовские малыши на прогулке. Задний отстал, культяпками замахал и — бегом к воде! По воде как по суху — плюх, плюх, плюх!

Из леса вывернулась лисица, села столбиком и свесила язык. Утка с утятами к другому бере-

гу отодвинулись. А там уже енотка с лапы на лапу переступает! Утка — на середину. А сверху коршун навис: черный, мрачный, голодный. Я дыхание затаил, а утята — бульк, бульк, бульк! — и нет никого. Вместо утят коршун сам себя в воде видит. Не на себя же ему нападать: покружил, покружил и улетел ни с чем.

Однажды к озеру вышла лосиха. Забрела по брюхо в воду и окунула морду по самые уши! Что-то на дне увидела. Голову подняла — во рту стебли кувшинки. Пришла попасть на подводном лугу.

А раз, помню, к озеру выкатился медведь! Лягушки дружно плюхнулись в воду — словно бережок обвалился. Ондатра перестала жевать, кулик суматошно взлетел, трясогузка испуганно пискнула. И у меня внутри что-то дрогнуло.

Медведь покачал головой, ловя на лету озерные запахи, стряхнул с ушей присосавшихся комаров, лакнул недоверчиво воду. Охо-хо — ни тебе рыбы, ни ракушек — одни лягушки. И те в воду попрыгали...

Кто у озерка наелся, кто напился, а я насмотрелся всякого. Чудо-озерко, затерянное в самом сердце леса. А может, оно само сердце и есть? И слышу я не плеск волны, а его толчки и удары? И все, что вокруг, не простое скопление зверей и птиц, а напряженное биение лесного пульса? Вон и кукушка кукует — словно считает и считает удары сердца. Пусть накукует ему долгие годы.

ЗАПУЩЕННЫЙ ЛЕС

Хотя совсем близко есть образцовый лесок с тропинками, посыпанными песочком, со скамеечками для отдыха, с указателями на перекрестках, я в него — ни ногой. А в свой запущенный спешу каждый день, хоть в нем никакого порядка и птицы поют самые обыкновенные.

Вот с этого-то, с обыкновенности и беспорядка, и загорелся весь сыр-бор!

Ребята из лесничества решили так: раз уж в обыкновенном и захламленном лесу птицы живут и даже песни поют, то какие же диковинные птицы появятся в лесу прибранном и ухоженном, какие неслыханные песни они тогда запоют! Полные уши песен, полный лес диковинных птиц!

Все за дело! Не спросясь и ни с кем не советуясь, не долго думая выкорчевали ребята все пеньки и колоды, свалили дуплистые сухостоины. Сгребли сухие листья и хвою, сожгли кучи хвороста. Нечего плодиться короедам и листогрызам!

Лес стал чистеньким и опрятным — деревце к деревцу. Проложили тропинки, сколотили скамейки: приходи, садись и слушай птиц.

А птиц не слышно: ни обыкновенных ни диковинных! Диковинные не появились, обыкновенные улетели! Ни свиста, ни писка, ни шороха крыльев. Пусто, уныло и тихо — словно на кладбище. Стволы голые как столбы. Между деревьев хоть на роликах разъезжай. Стоишь как глухой — ни единого живого звука. Ни красоты, ни радости.

Спохватились ребята — что наделали! Сами и виноваты. Убрали сухие и полусухие деревья — исчезли из леса дятлы. Не стало дятлов — некому дупла долбить. А дупел нет — нет и дуплогнездиков: синиц, вертишеек, горихвосток, пеструшек.

Сожгли кучи хвороста, пеньки и лесную опадь — негде стало гнезда прятать, мало стало слизней, жуков и личинок. Исчезли коньки и зяблики, дрозды и крапивники, зарянки и соловьи.

Лес опустел и умолк.

Не лес, а какой-то склад древесины: бревна, дрова и доски, вставшие дыбом. Глазам нечего делать, а ушам и подавно. Сидишь на скамеечке и зеваешь.

Нет, это совсем не лес, лес — это совсем другое.

Крепко призадумались ребяташки. Да так до сих пор и думают. А я пока хожу в соседний лесок: обыкновенный, неухоженный и запущенный.

И хоть птицы в нем самые обыкновенные — но поют! Полный лес разных птиц, полные уши песен!

ЛИСЬИ ИГРУШКИ

Спешу я к оврагу, где лисью нору вчера нашел. Перед норой светлел песчаный бугор, затоптанный лисьими лапами. На бугре валялось вальдшнепиное крылышко. Ишь какой изысканной дичью кормила злодейка своих лисят!

Сползаю в овраг, вот нора, вот бугор, — и снова вальдшнепиное крылышко! Вот чревоугодники, нет чтобы лопать мышей и крыс, подавай им дичь королевскую! Не доведет лисят до добра такая избалованность.

Назавтра снова крыло, через день — опять. Но я уже не сердился, я догадался, что крылышко-то это одно и то же! Я ниткой его пометил, вот она моя красная нитка.

Выходит, не такие уж лисята и привереды, как мне показалось. Кормят их чем придется. И, похоже, не очень-то сытно — у норы никаких остатков: ни птичьего перышка, ни мышинного хвостика. Дочиста все съедают. А все равно какие-то тощие, голенастые. И непонятно, зачем им, голодным, беречь это затрепанное крыло?

До света я устроился у норы. Лисицы у норы не было: то ли ушла на охоту, то ли еще не вернулась. Лисятам скучно одним в норе, натошак не спится и не сидится. И вот самый храбрый не утерпел и высунул нос наружу. За носом заблестели прищуренные глаза. Страшновато, конечно, без мамы, да — была не была! Выскочил на бугор, напрягся пружинкой, чуть что — и метнется в нору. Но листья перешептываются спокойно, шмель басит сонно, солнышко греет ласково.

Лисенок пошел вприскок, разминая затекшие лапки. А из норы, как горох из мешка, высыпали остальные лисята.

И началось — покатилося! Каруселью один за другим, зубами за лапы и за хвосты, сцепились клубком — куча-мала! Засиделись в норе лисята.

И вдруг заметили брошенное крыло — кинулись вперегонки! То никому оно было не нужно, то подавай сразу всем. Самый храбрый первым схватил и запрокинул мордочку вверх. Другие запрыгали как на пружинках. И снова куча-мала!

Вот она и разгадка: крыло-то не просто крыло, а лисья игрушка! Крыло как мячик — его подбрасывали и ловили. Крыло тянули в разные стороны — как перетягивают канат. Крыло и скакалка, и палочка-выручалочка. Крыло прятали и искали, как это делается при игре в «холодно-жарко». С такой игрушкой не только про скуку, но и про голод можно забыть!

В конце концов игрушку, конечно, сломали, растрепали ее до перышка. Даже нитки моей не оставили. А я-то хотел его забрать, показать дома лесную игрушку.

Но лисята не долго скучали. Лиса принесла им новую — мягкую заячью лапку. И лисята играли с ней, пока не выросли. И не ушли из норы. Вот она, эта лисья игрушка, я ею теперь пыль сметаю.

УПОРНЫЕ ОДУВАНЧИКИ

Вышел на поляну — вся поляна забросана одуванчиками! Кто-то наткнулся на эти золотые россыпи, глаза у них разбежались — давай рвать и метать. А нарвали — куда девать эти охапки? Руки липкие, рубахи испятнаны соком. Да и не те это цветы, чтобы их в вазы ставить: пахнут травой, на вид неказистые. И уж очень обыкновенные! Растут где угодно, везде их много, всем они примелькались. Сгребли венки и букеты в кучу и выбросили.

Всегда как-то не по себе, когда видишь такое вот разорение. Перья ли растерзанной птицы, ободранные ли березы, раскиданные муравейники или выброшенные цветы. Зачем? Птица кого-то песнями радовала, березы радовали белизной, цветы — красотой. И вот все разорено и загублено.

Но не будем сердиться — подумаешь, одуванчики! Это не орхидеи. Кажется, даже числятся сорняками. Может, и в самом деле ничего в них особенного и интересного? Правда, радовали же они когда-то. А теперь...

...Одуванчики радовали и теперь! И удивляли.

Через неделю я снова оказался на той же поляне — сваленные в кучу цветы были живы! Шмели и пчелы, как всегда, собирали с цветов пыльцу. Сорванные цветы прилежно, как делали это при жизни, открывались утром и закрывались вечером. Одуванчики просыпались и засыпали, как ни в чем не бывало!

Через месяц я вышел на поляну перед грозой — одуванчики были закрыты. Желтые венчики сжались в зеленые кулачки — но они не завяли. Они закрылись перед дождем. Обреченные, полуживые, они, как им и положено, предсказывали погоду! И так же точно, как в свои самые лучшие цветущие дни!

Когда гроза отгремела и солнце затопило поляну — цветы раскрылись! И это им было положено, цветы выполняли свой долг.

Но уже из последних сил. Одуванчики умирали. Им не хватило сил превратиться в пушистые шарики, чтобы разлететься на парашютиках по полям, и прорасти яркими солнышками в траве. Но это не их вина, они сделали, что смогли.

А мы-то считаем одуванчик самым заурядным цветком и не ждем от него ничего неожиданного! А неожиданное везде. Спилили в марте березу, а в мае она распустила листья! Береза не знала, что уже убита, и делала то, что березе положено. Цветок белой кувшинки бросили в таз, и он аккуратно, как в озере, каждый вечер складывал лепестки и окунался под воду, а утром выныривал и раскрывался. Хоть часы по нему проверяй! Кувшинка и сорванная видела, отличала день от ночи. Не за это ли называли кувшинки «глазами озер»? Может, они и нас с вами видят? А?

Лес смотрит на нас разноцветными глазами цветов. Стыдно уронить себя в этих глазах.

Чтобы стала прекрасней земля

В мае 1920 года недалеко от Костромы на территории бывшей помещичьей усадьбы был создан племенной совхоз «Каравaeво».

Все эти годы рядом с прославленным коллективом росла, набирала силы ученическая производственная бригада караваевской средней школы. Ученики пришли на поля, убрали картофель, силосовали кукурузу, выращивали новую для области культуру — кормовую тыкву.

Именно здесь, в этом совхозе, в середине сороковых годов была создана новая высокопродуктивная костромская порода коров.

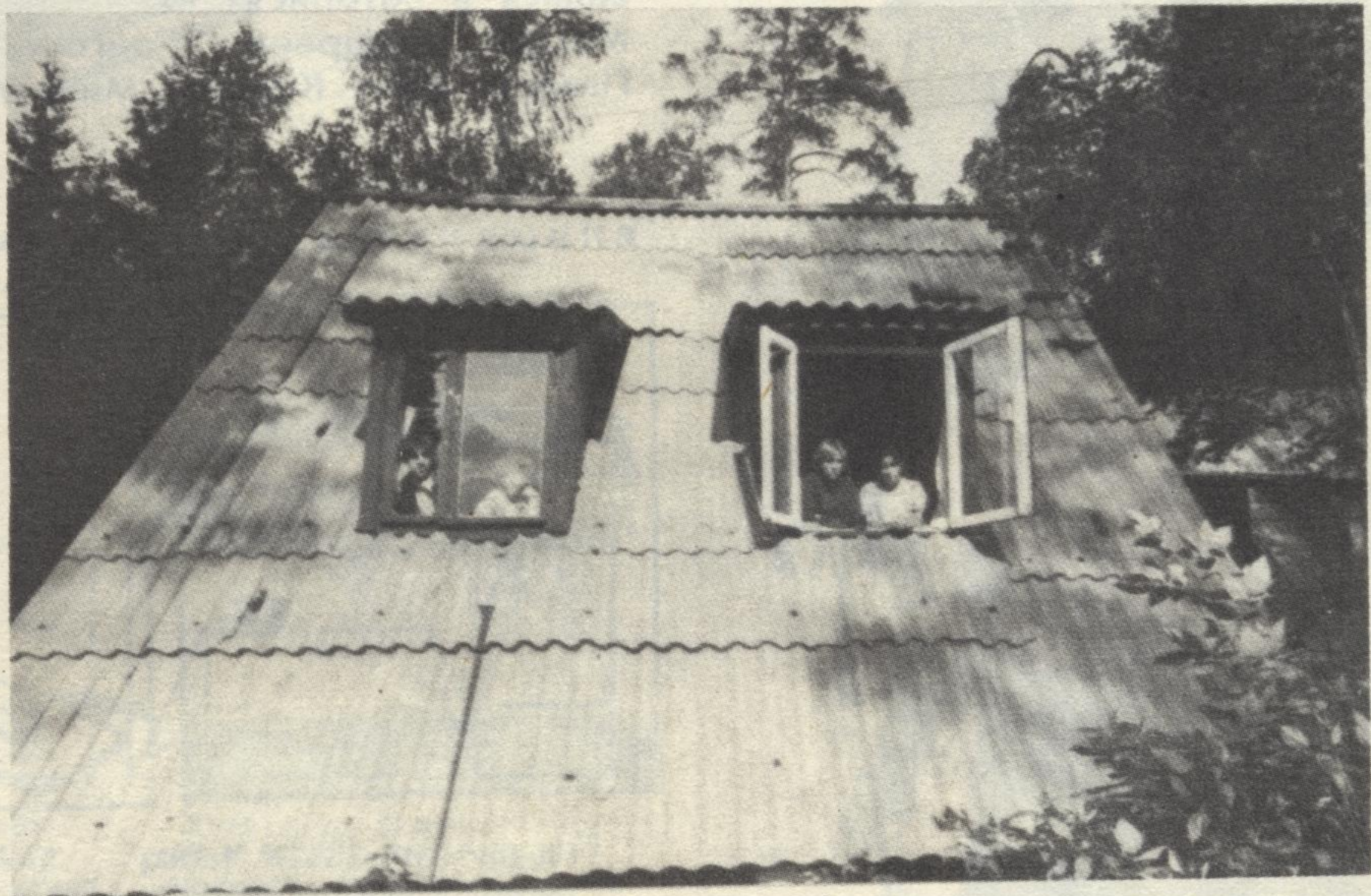
А в начале пятидесятых две группы юных животноводов взяли шефство над телятами — ведь работа над улучшением породы продолжалась. В дневники легли первые записи наблюдений над животными, своим опытом ребята делились на пионерских сборах, на уроках биологии. Совхоз предоставил школе первый трактор — ХТЗ. Потом в ученических мастерских стало тесно от тракторов и автомашин, плугов, культиваторов и другой техники. Уже в первые годы работы бригады ученики добивались неплохих урожаев.

Теперь урожай на школьных полях выросли до 550 центнеров картофеля и 40 центнеров зерновых с гектара! Ученическая бригада стала участником Выставки достижений народного хозяйства СССР. Сотни старшеклассников получили права трактористов, лаборантов-агрохимиков, животноводов-механизаторов.

1. Звено Ирины Потепаловой (третья слева) за научно-исследовательскую работу в области животноводства награждено Дипломом Министерства просвещения РСФСР.

2. Отличную технику получила ученическая бригада!

3. Вот в таких уютных летних домиках, построенных совхозом для ученической бригады, живут летом ученики караваевской средней школы.

Р. GERMANOV
Фото автора

Здравствуй, ребята! На этом уроке мы поговорим об отделочных работах, то есть о работах облицовочных, штукатурных.

Русские мастера отделочных работ издавна славились на весь свет.

Самым ходовым материалом для обивки стен были в те давние времена специальные набойные цветные ткани, очень удобные из-за легкости крепления. Такие «обои» можно было менять несколько раз на дню. В особенно торжественные дни вместо сукон стены наряжали в шелковые или атласные ткани, в зависимости от достатка владельца дома.

Конечно, отделка царских дворцов и боярских хором не могла сравниться с нехитрым убранством крестьянских изб. Но и здесь и там красоту творили рабочие руки русских мастеров. Не знали они княжеских почестей, однако оставались в летописях их имена: Матвей Андреев, Григорий Павлов, Иван Кульпа, Михаил

Федотов, Тимофей Федосеев.

Традиции русских умельцев не исчезают. Из поколения в поколение передаются они. Вот один из нынешних замечательных мастеров отделки Юрий Васильевич Торопов, бригадир комсомольско-молодежной бригады штукатуров. Ленинградские дома с табличкой на фасаде: «Охраняется государством», как правило, поручаются для ремонтных работ его бригаде. Это очень большая честь.

Юрий Торопов штукатур высокой квалификации. Он — один из немногих мастеров лепки. Когда декоративные украшения стены предлагают ему сделать «под топор» — совершенно гладкими, без всяких карнизов, лепестков и розочек, — он отказывается: «Сделаю, как было, не беспокойтесь, план не пострадает, уложусь вовремя».

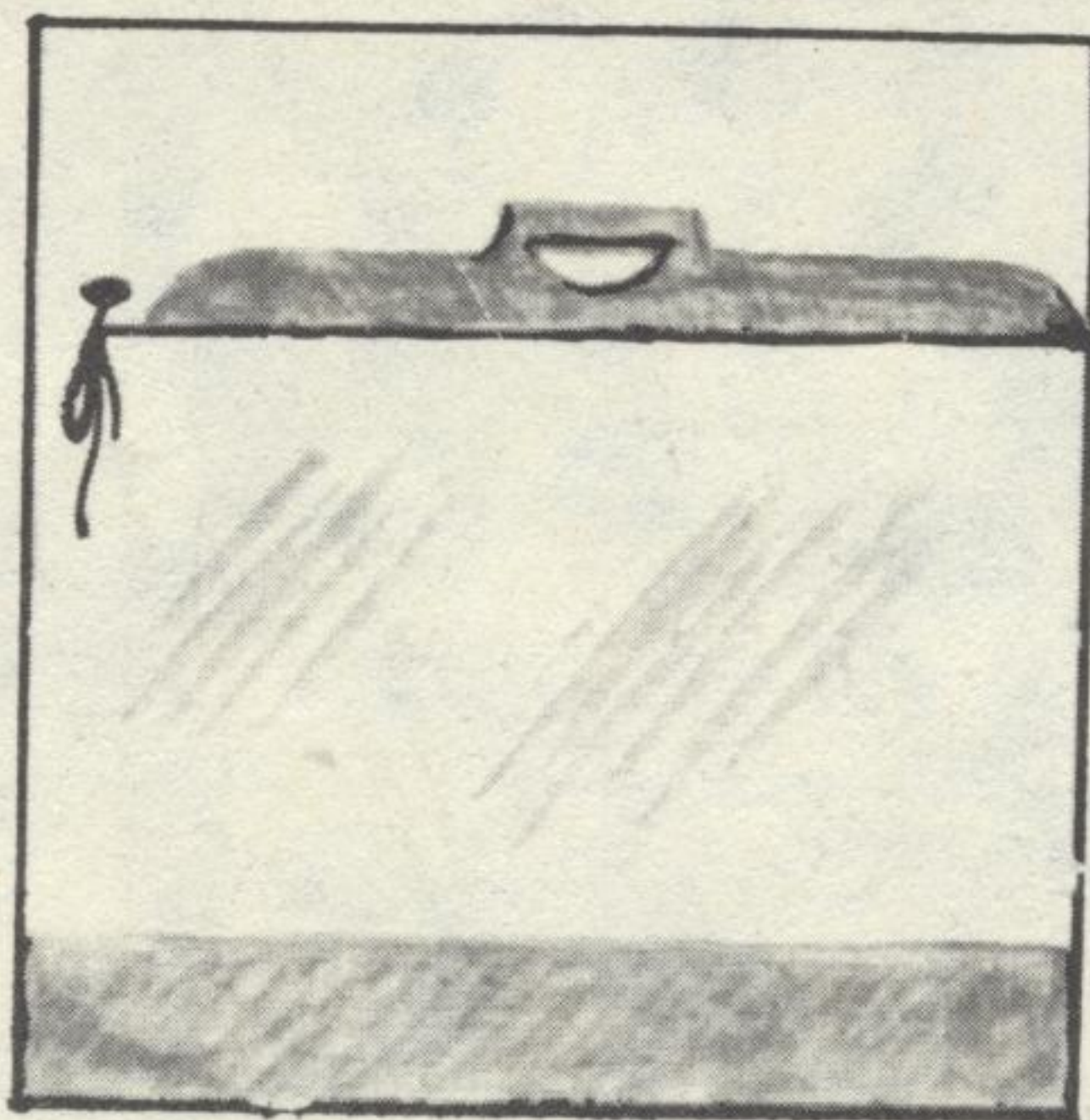
И верно, поколдует с раствором, останется на час-другой после работы — и, глядишь, все тот же орнамент украшает стену, только линии его более четкие, молодые.

За свой труд Юрий Васильевич награжден орденами и медалями. Бригада его много лет удерживает звание лучшей бригады штукатуров Ленинграда.

О бригаде Торопова легенды ходят — работается здесь легко и отдыхается дружно. Желающих попасть в бригаду много.

Когда Торопов подростком был, забрался как-то на строй-

ВНИМАНИЕ! ВКЛЮЧАЕМ УЧЕБНЫЙ ФИЛЬМ

При помощи шнура и ватерпаса проводим горизонтальную линию

— тыльная сторона плитки проводится по раствору для увлажнения,

— раствор наносится лопаткой на тыльную сторону плитки,

площадку. Смотрит, как старый мастер ловко, красивыми движениями бросает и размазывает раствор по стене — словно в теннис играет. Строитель угадал интерес в глазах мальчишки. «Дядя Саша, — представился он и неожиданно предложил, — давай, поспоримся». Юра осторожно принял «сокол» и кельму. Тяжелые! Подумав немного, сказал: «Споримся!» Именно с того поединка началась строительная биография Юрия Торопова.

Конечно, новичок не мог серьезно соперничать с опытным штукатуром. После дядя Саша объяснил Юрию все ошибки, показал правильные приемы работы.

Самое время нам познакомиться с основными инструментами штукатура:

1) сокол для раствора и разравнивания штукатурного слоя,

2) кельма штукатурная для набрасывания раствора на поверхность,

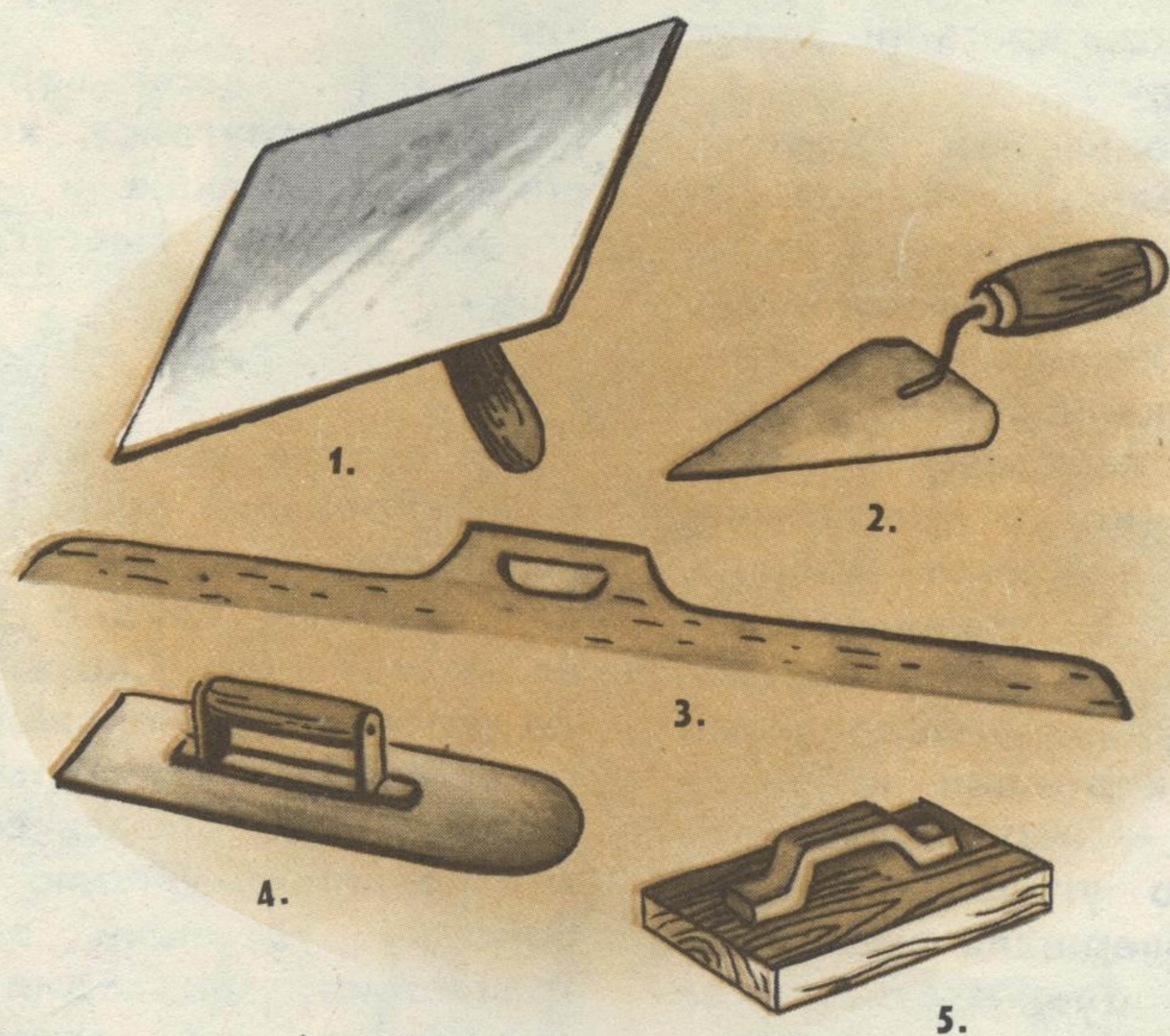
3) правило деревянное для разравнивания грунтовочного слоя,

4) гладилка для заглаживания последнего накрывочного слоя штукатурки,

5) терка для затирки штукатурки.

Попробуйте сами, используя некоторые из перечисленных инструментов, залатать обитые стены в лагере или на даче. Только работайте как дядя Саша.

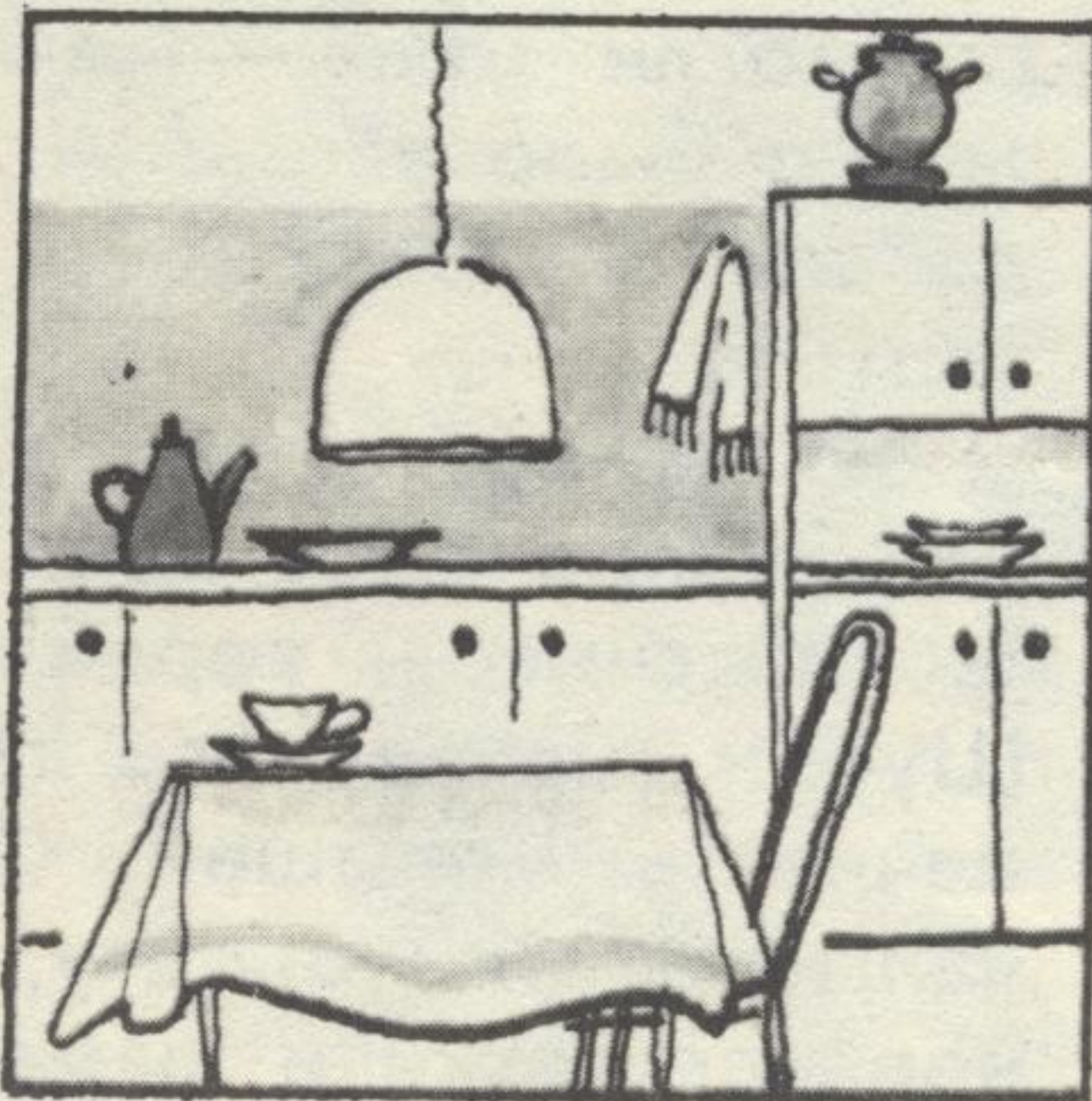
Оформление Л. Иванова

— плитка устанавливается на стену,

— плитка осаживается до общего уровня ряда.

Этот вид отделочных работ называется облицовкой. Мозаику любили складывать? Есть что-то похожее.

Х Л Е Б

В. ГЛЕБОВ

Рисунок В. Лебедева

Как-то в одной из школ, интернате, довелось видеть: после отбоя мальчишки в спальне затеяли бой. В качестве боеприпасов у них был... хлеб.

И вдруг вскочил с крайней кровати мальчишка:

— Да вы что, ребята! Ведь это — хлеб!

...Мама торопливыми пальцами разворачивала долгожданный треугольник. Отец писал из блокадного Ленинграда: «...враг обстреливает каждый день. Как жалко город! Гибнут люди, гибнут красавцы-дома. Но обстрелы — это не главная наша беда. Страшнее — голод. Жалко ребяташек. Совсем ослабли. Бродят по улицам, как маленькие старички. Очень беспокоюсь за вас».

Единственный магазин в поселке закрыли, и хлеба неоткуда было взять. Помнится, в один из последних дней ноября жителям объявили, что они могут получить по несколько килограммов зерна — остатки из запасов сельповского склада. Как сейчас вижу эту длинную очередь у дверей склада. Слышу печальные вздохи женщин, ворчание стариков.

Но зерно — это еще не хлеб к столу. И вот мама провертывает через мясорубку распаренную пшеницу, лепит из получившейся каши небольшие круглые лепешки и поджаривает их прямо на плите. Вкусно! Только мало. Ведь зерно надо беречь.

Выручали нас бойцы. Отправляясь к передовой, они нередко останавливались в нашем доме на короткий отдых. Чистили оружие, чинили одежду и обувь и, конечно же, в спешном порядке начинали кашеварить. Закипала на плите разваристая гречневая каша с салом. Разносился по всему дому дразнящий аромат супа из горохового концентрата.

И я не помню случая, чтобы наши гости не пригласили к столу хозяев, особенно нас — ребяташек. И никогда не забуду я тот большой, во всю буханку сухарь, который сунул мне в руки уже немолодой сержант, командир пулеметного расчета дядя Миша:

— На-кось, погрызи, сынок, нашего солдатского хлебушка.

А потом трескуче-морозным, солнечным днем пришла радость — фашистов прогнали от Москвы! И хотя было по-прежнему голодно, но — весело. Здорово жить и знать, что вокруг свои — родные, добрые, сильные. Что они уже не пустят сюда врага, не дадут тебя в обиду.

В годы войны нам, ребятам, всегда хотелось есть. Все помыслы были направлены на то, как бы добыть чего-нибудь съестного. Украдкой от воспитателей таскали с пришкольного участка картошку и пекли ее в золе, когда протапливалась печь в классе. Иногда, вдруг, посреди урока начинал подниматься от печки горьковатый дымок, и незадачливый владелец картошки крутился за партой и нервничал: ведь сгорит! До угольков сгорит! Ночами совершали набеги на капустное поле, охотились за морковью. Улизнув иной раз из школы, бежали на базар и на жалкие ребячьи рубли покупали кусочки жмыха. О хлебе могли только мечтать. Где ж его было взять? А того, что давали в столовой, явно не хватало.

Вспоминается мне такой случай: наловчился один из старшеклассников, верзила Шурка Шубин (назову его так) околпачивать малышей. Он доставал где-то киноленту, делал из нее трещотки и выменивал их у несмышленишей на хлеб, который те сберегали от своего обеда. Трещотка, которая может строчить как автомат, если

щелкать ею об парту или об стену, или даже об голову рядом сидящего и ничего не подозревающего пацана — разве это не мечта для мальчишки?! Меновая операция шла бойко, и Шурка был доволен и, наверное, горд своей выдумкой. До тех пор пока... Пока не узнал об этом мой друг Олег. Это был малый на редкость честный и справедливый. Он подкараулил Шурку, когда тот, вручив очередному околпаченному трещотку, взял у него кусок хлеба и поспешно спрятал в карман.

— Ты что делаешь?! У малыша?! Ведь это же — его хлеб!

И хлестко ударил верзилу по лицу. Не испугался, хоть ростом был меньше и — куда слабее Шурки. Навсегда отучил.

...А тут — вели «бой» хлебом. «Воевали» весело, азартно. Видно, невдомек мальчишкам, как он трудно достается — этот хлеб. Сколько заботы человеческой вложено в него. А надо бы им знать, самим увидеть, как, борясь со сном, вел по ночному полю ровную борозду уставший за день тракторист; как ходил по весенней пахоте встревоженный агроном — не пропустить бы срок сева; как, стоя у края поля, в который уже раз перебирал в руках колосья колхозный бригадир — не перезрело бы зерно; как спешили с уборкой, трудились от темна до темна колхозники — успеть бы за погоду; как, осторожно объезжая ухабы, чтобы не растерять ни горсти, гнал долгой степной дорогой машины с хлебом шофер; как потом мололи зерно на мельнице, пекли в пекарне. Если бы знать мальчишкам и самим увидеть все! Нет, не поднялась бы у них тогда рука на хлеб!

ЛЕТНЕЕ УТРО

Сергей МАХОТИН

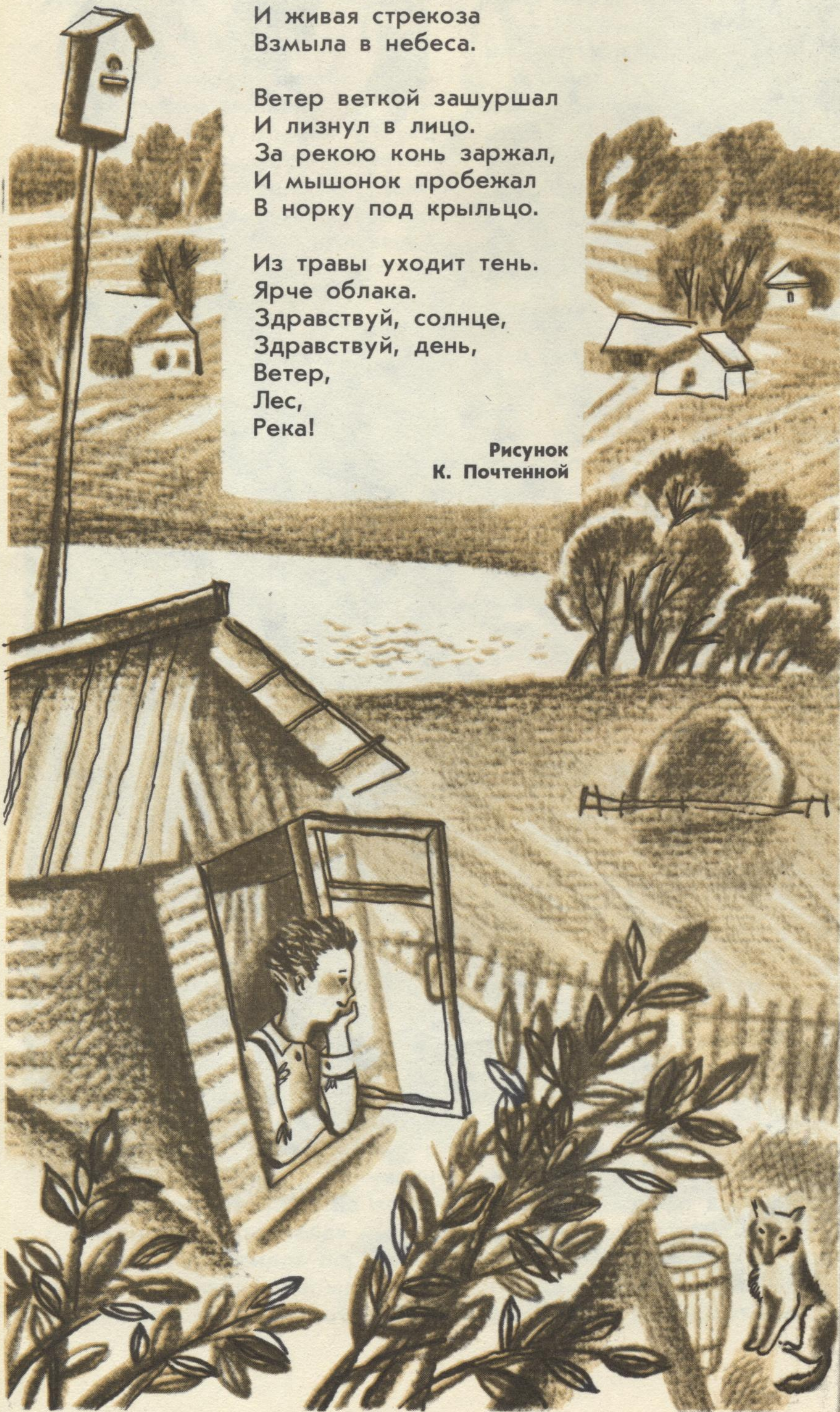
Я сегодня сам не свой,
Потому что вдруг
Я открыл, что я — живой
И живой — мой друг.

Засмеялись вдруг глаза
У живого пса,
И живая стрекоза
Взмыла в небеса.

Ветер веткой зашуршал
И лизнул в лицо.
За рекою конь заржал,
И мышонок пробежал
В норку под крыльцо.

Из травы уходит тень.
Ярче облака.
Здравствуй, солнце,
Здравствуй, день,
Ветер,
Лес,
Река!

Рисунок
К. Почтенной

ТИМИРЯЗЕВЦЫ

Десять лет работает в Хотетовской восьмилетней школе Малая Тимирязевка. На пришкольном участке постоянно проводятся различные опыты. Например, какие сорта пшеницы больше подходят для данной местности. Или какие из десяти сортов смородины более жизнеспособны.

Полгода назад областная станция юннатов поручила школьной Тимирязевке провести опыт с новым для здешних мест сортом моркови. Требовалось выяснить, как влияют разные минеральные удобрения на урожайность. Опыт с морковью прошел успешно. По семь килограммов с квадратного метра сняли ребята.

Богатой выдалась осень. От яблок ветви гнулись. А когда урожай сахарной свеклы составил у ребят более 150 центнеров с гектара, бригадира школьного отряда Малой Тимирязевки Володю Субботина пригласили в Москву, где сам министр сельского хозяйства РСФСР Л. Я. Флорентьев принимал лучших тимирязевцев со всей страны.

Вернулся Володя — и первым делом к клеткам с кроликами: как они там? Кролики появились в школе недавно. На совете тимирязевцы решили, что дело это интересное и нужное. Да и ухаживать за кроликами для малышей удовольствие. Общество кролиководов обещало помочь советом, лекарствами, кормами. Колхоз — стройматериалами. И стали ребята изо всех сил ухаживать за первым семейством Серых Великанов.

Зато с поросятами, которых взяли на откорм в колхозе, было проще. Дело-то знакомое — и на колхозной ферме работали, и на каждом подворье, считай, поросенок. Построили ребята рядом со школьной конюшней микро-свиноферму. Пошли в дело свекла со школьного участка, комбикорма, крапива и, наконец, отходы из школьной сто-

ловой. По шесть пудов набрали поросята. А это значит, что вся школа обеспечена свиной. И на питание школьников родители тратят всего два рубля в месяц.

Умелые руки, хозяйственная сметка восьмидесяти одного тимирязевца (ровно столько ребят учится в школе) и два гектара опытного поля

полностью обеспечили школу капустой, огурцами, картошкой, помидорами, свеклой, луком, морковью, яблоками. И все это, засоленное, замаринованное, просушенное ждет в кладовках своей очереди в кастрюлю. А излишки выращенного ребята передали в соседние школы, сдали на пищекомбинат. На вырученные

деньги по решению комитета комсомола и совета дружины купили теннисный стол, бильярд.

А впереди у ребят — новые заботы, новые урожаи. Ведь тимирязевцы не привыкли сидеть без дела.

В. ВАСИЛЬЕВ
Фото С. Леонова

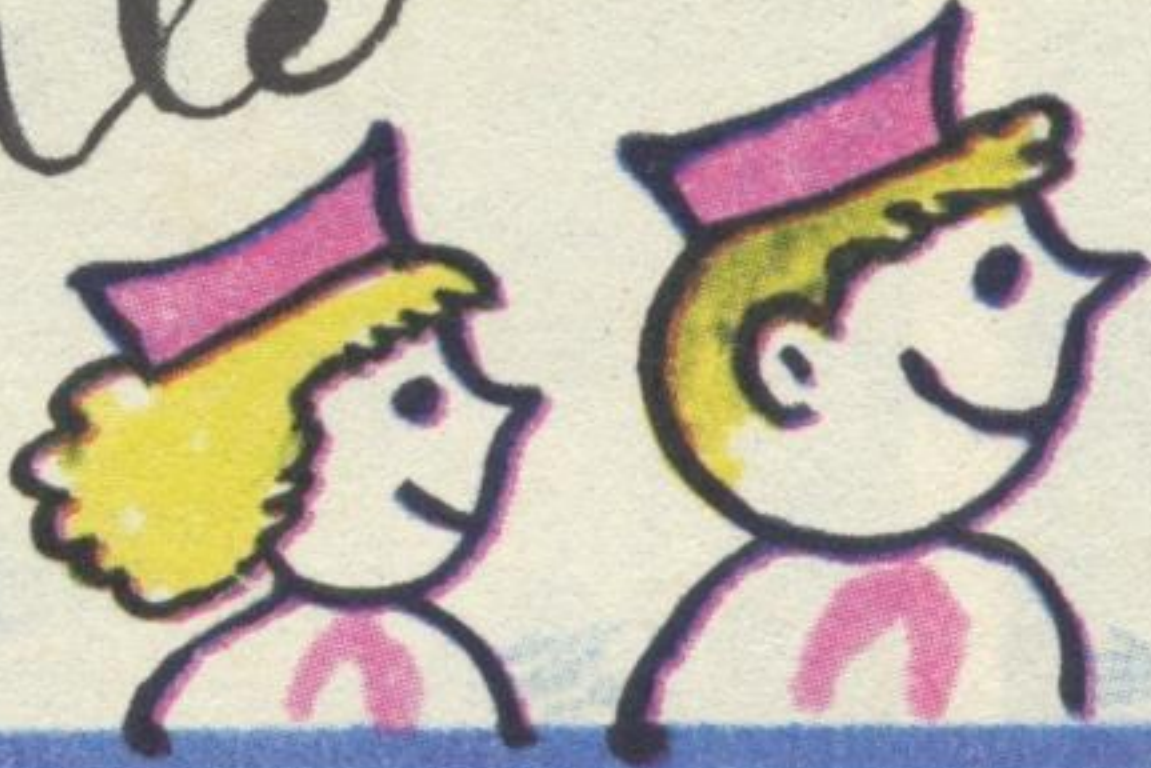
Орловская область

У НАС В ГОСТЯХ

Веселая линейка

линейка
стенгазета пионерлагеря
"ВЭФОВЕЦ"
(ЮРМАЛА, ЛАТВИЙСКАЯ ССР)

Прошлым летом я побывал в пионерском лагере на Рижском взморье. В первый же день ко мне подошла маленькая девочка из самого младшего, тринадцатого отряда и спросила:

— Это правда, что вы — Учитель смеха из журнала «Костер»?

Я сказал:

— Правда.

— Тогда рассмешите меня!

Видимо, у меня был очень растерянный вид, потому что, посмотрев на мое лицо, девочка весело рассмеялась.

— Вот видишь, — сказал я, — я тебя рассмешил. Теперь ты рассмеши меня: расскажи, какие веселые случаи происходили в вашем лагере. И вообще, весело ли вы тут живете?

Девочка молча взяла меня за руку и повела по живописной аллее к зданию клуба. На его белой стене висела большая стенгазета «Веселая линейка». Газета состояла сплошь из одного юмора (и из сатиры, конечно). Я прочитал все заметки и рассмотрел все рисунки. И мне захотелось познакомить читателей «Костра» с этими заметками и с этими рисунками.

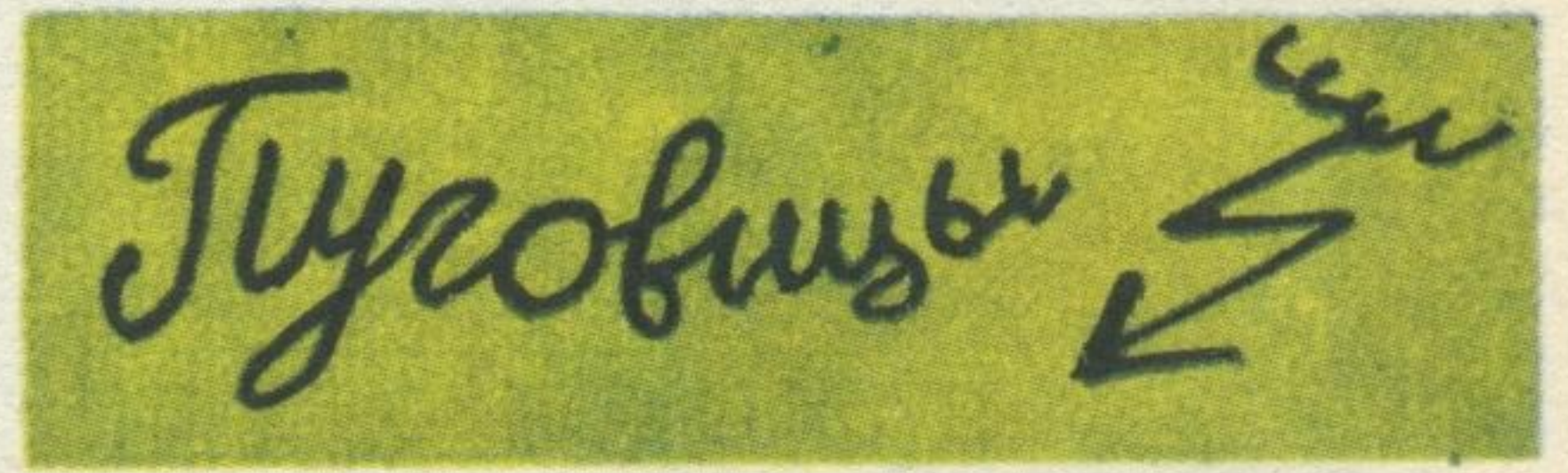
Учитель смеха

Комары летают роем —
С головой себя укроем!
(Так дежурный у ворот
Напугал честной народ...)

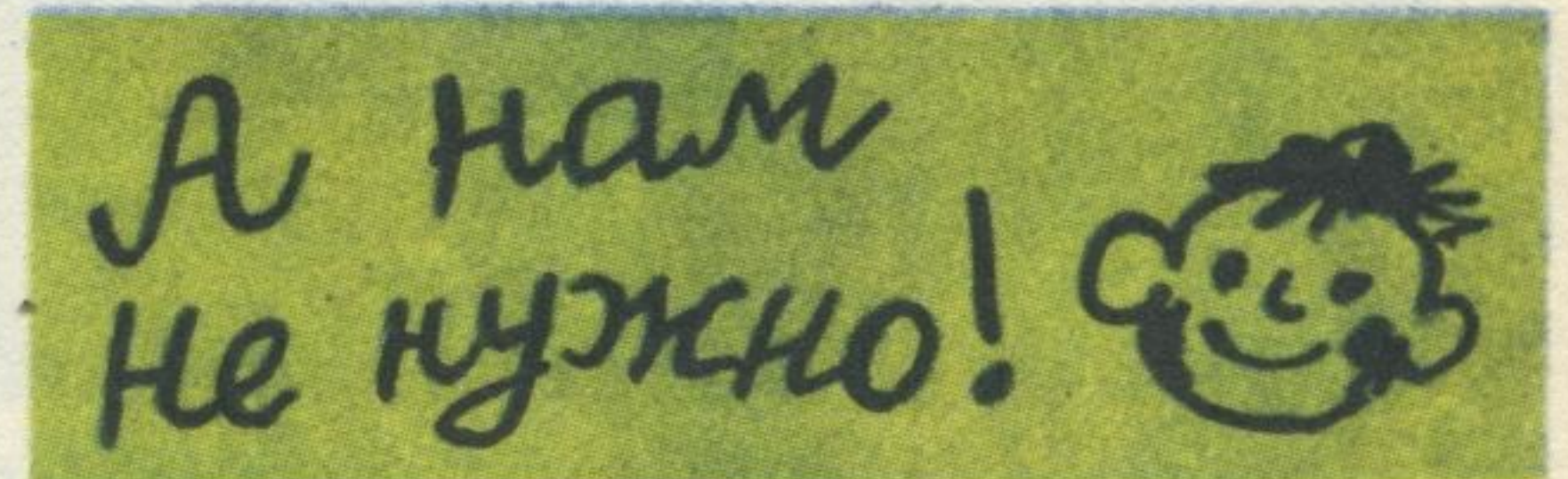

Наш дежурный по палате
Заорал истошно:
— Хватит!
Всех в бараний рог согну!
Соблюдайте тишину!

Мы дежурили с Ирой на посту. Вдруг началась гроза. Ира стала прикрывать книжкой свои металлические пуговицы на платье. Она думала, что пуговицы притягивают молнию. Я ее успокоила.

Лена Недавняя,
8 отряд

Когда прозвучал сигнал подъема, все ребята схватили мыло и полотенца и побежали к умывальникам. Только девочки из нашего отряда никуда не торопились.

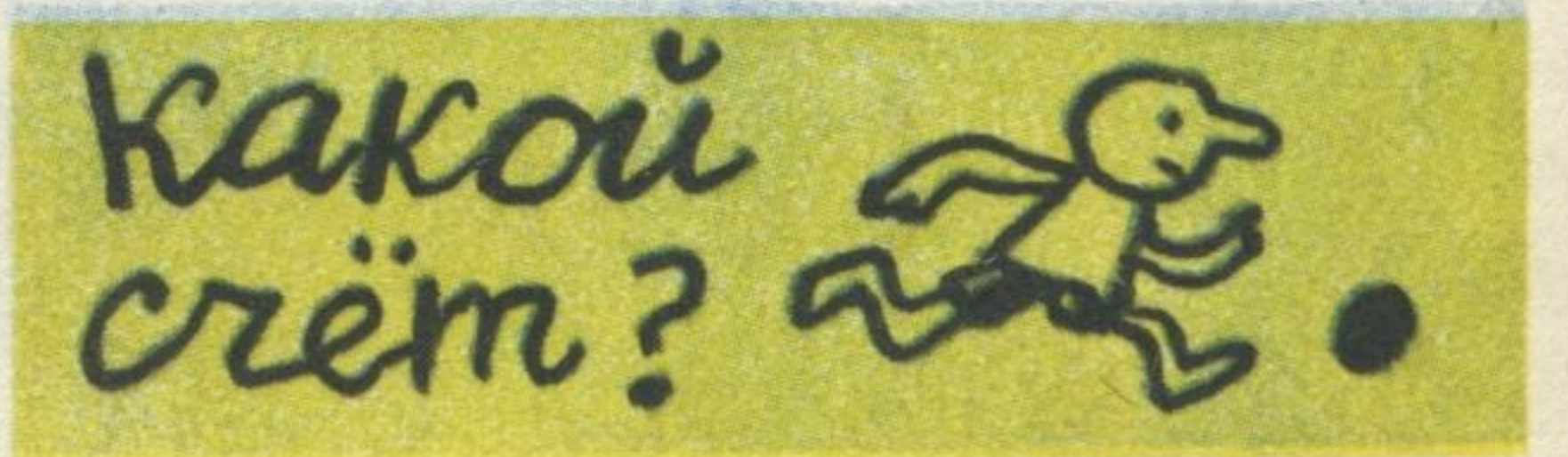
— Почему не идете умываться? — спросила вожатая. — Вам, что, отдельное приглашение требуется?

— А нам сегодня умываться не нужно!

— Почему? — удивилась вожатая.

— А мы сегодня на «Дне Нептуна» изображаем нечистую силу. Нам, наоборот, испачкаться нужно!

Таня Старухина,
9 отряд

Наша команда играла в футбол с командой соседнего пионерлагеря. Мимо футбольного поля пробежал Янис и спросил:

— Какой счёт?
— Ноль-ноль! — ответили ему.

— В чью пользу? — спросил Янис.

— В нашу! — засмеялись ребята.

Юля Тимошенко,
3 отряд

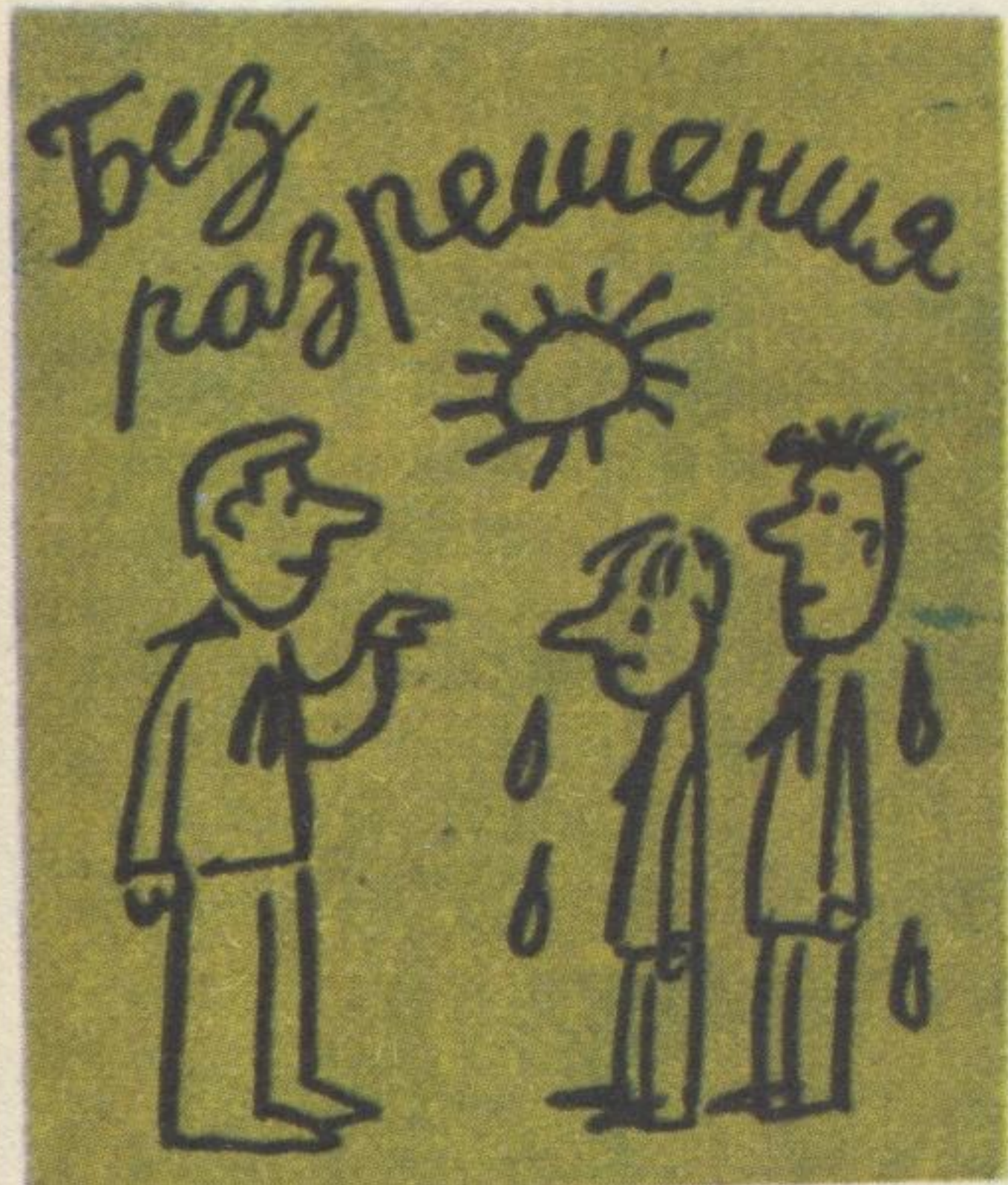

Вдруг и завтрак он проспит?
Вряд ли так случится:
У Сережи аппетит —
Вам и не приснится!

Солнце, море — благодать!
Неохота вылезать!..

Рисунок
Иветты Роговской,
6 отряд

Однажды несколько ребят из нашего отряда возвращались с пляжа. Причем все были с ног до головы мокрые. Нас встретил вожатый и строго спросил:

— Кто вам разрешил купаться без разрешения врача? Петя ответил:

— Мы не купались. Просто ребята оступились и упали в воду. А я их вытаскивал.

Н. Князевская,
3 отряд

— Что ж ты, Стрелка, опоздала
На линейку поутру?
— Я не слышала сигнала —
Убирала конуру!

У нас была подготовка к игре «Зарница». Наш отряд занял оборону в овраге и замаскировался. Случайно мимо проходил наш руководитель музыкального кружка. Вдруг из кустов появилась чья-то голова и шепотом спросила:

— Михаил Филиппович, а когда у нас следующая репетиция?

Миша Фролов,
1 отряд

ПРО ШКАПИНА ГРИГОРИЯ

(пятая история)

РЕБЯТА! НА НАШЕЙ РЕКЕ ПОЯВИЛИСЬ БРАКОНЬЕРЫ!

КУДА ТЫ, ШКАПИН?

ЭТО ВОЕННАЯ ТАЙНА!

БРОСАЙ СЕТЬ!!!

ПОЙМАЛИ!!!

РУКИ ВВЕРХ! ЭТО МЫ ВАС ПОЙМАЛИ!

Рисунки К. Кюфа

ЧЕМПИОНАТ-82

Участникам финальных сражений в Чемпионате АРЧЕБЕКА трижды салют!!!

Что нужно знать финалистам?

1. Условия финала. Состоятся три тура: в №№ 8 и 9 — разрядные, в № 10 — призовой. Выполнить норму и получить спортивный разряд можно в разрядных турах (12 заданий по 10 очков). Набрать нужно: для 4-го разряда — 80, для 3-го — 100, для 2-го — 120. Льгота: не добравшие до нормы 10 очков смогут возместить их в призовом туре (для 4-го разряда — решить четыре позиции, для 3-го — пять, для 2-го — шесть). Чемпионы и призеры определяются по сумме очков за весь финал.

2. Обязанности участников. Писать рапорты четко, аккуратно и полно с разбором всех лучших защит и важных вариантов. Дополнения и поправки приниматься не будут. Отправлять рапорты письмом, указывая на конверте (в левом углу) номер тура и свой новый пароль.

3. О конверте, полученном от Ферзьбери. Крупно и ясно напиши на нем собственный адрес (а не адрес «Костра!»), сложи пополам и вложи в письмо с рапортом — в этом конверте шахмат-адмирал пришлет ответ о набранных очках.

Успеха вам, доблестные разведчики АРЧЕБЕКА!

Итак, задание 8-го тура.

ШАХМАТЫ.

А. (Н. Зиновьев, Усть-Каменогорск): Белые: Kpg1, Ла4, Kh1, пп. f2, g3, h4; черные: Kph3, пп. f6, g4.

Б. (Н. Зиновьев). Белые: Kpg4, Lf7, Kf4; черные: Kph6, пп. g7, h7.

В. (А. Гришин, с. Ермоловка). Белые: Kpd8, Ch1, Kd7, пп. c3, e6, f5; черные: Kpd6, пп. c6, e7.

Г. Белые: Кре4, пп. a4, g4; черные: Kрf6, Cg7.

Д. Белые: Kpd8, пп. b5, h2; черные: Кра7, пп. a6, b7.

Е. Белые: Крс6, п. h2; черные: Кра4, пп. c7, d5.

Цель разведки: А и Б — объявить

черному королю мат в 3 хода, В — в 4 хода, Г, Д, Е — установить, могут ли белые выиграть.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. (Б. Павлов, п. Волосово). Белые: a3, c1, e1, e3, e5, f4; черные: a5, c7, d6, g5, g7, h6.

Б. (Б. Павлов). Белые: c3, d2, e3, f2, f4, g1, g3, h6; черные: a5, b4, b6, d6, f6, f8, g7, h2, h8.

В. (В. Степанов, Абаза). Белые: a7, e1, e3, f4, g3, h2, h6; черные: b2, c3, c5, c7, f6, f8, g5, g7.

Г. (В. Степанов). Белые: a3, b4, c1, c3, e1, g1, g5; черные: b6, d6, e3, e7, f2, f8, g3.

Д. (В. Юрзинов, Москва). Белые: b2, b4, d2, f2, g1, g3, h6; черные: a5, d4, d6, e5, f6, f8, g7.

Е. Белые: Д. f6, пр. a5, d2, e7; черные: Д. d8, пр. b8.

Цель разведки: А, Б, В, Г, Д — указать белым пути к победе, Е — выявить, могут ли белые выиграть.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. (Вейс, Франция). Белые: 19, 38, 46; черные: 22, 31.

Б. (Мертенс, Голландия). Белые: Д. 46, пр. 26, 27, 28; черные: пр. 8, 11, 17, 39.

В. (И. Прибыльский). Белые: 17, 24, 26, 41, 42, 43; черные: 6, 8, 9, 15, 16, 36.

Г. (Вейс). Белые: 31, 34, 39, 40, 44, 46, 49; черные: 12, 13, 21, 23, 24, 28, 32.

Д. (Буассино, Франция). Белые: 14, 28, 29, 33, 34, 40, 43; черные: 3, 8, 9, 17, 20, 25, 30.

Е. (Гортманс, Голландия). Белые: 15, 24, 27, 32, 33, 48, 50; черные: 4, 12, 13, 16, 21, 29, 45.

Цель разведки: указать белым пути к победе.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Положение белых незавидное, не правда ли? Черный ферзь ворвался в их лагерь, напал на ладью и угрожает казнить короля — ты это видишь? Но ход белых. И автор позиции — Сережа Мякин (Ленинград) — утверждает, что они могут спастись. А твое мнение?

КОГО ОЖИДАЛА НАГРАДА?

За лучшие ответы к заданию Ю. Новикова, Москва (см. «Костер» № 3) награждаются: Сережа Мельников (г. Николаев), Володя Беликов (Гусь-Хрустальный), Галя Демина (Ярославль), Игорь и Петя Андреевы (Чебоксары), Саша Китаев (с. Васис), Костя Власов (Уфа), Сережа Лойко (п. Иваничи), Миша Тупицын (Усть-Кут), Володя Стружкин (г. Семенов), Витя Ивченко (Талды-Курган).

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 5 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Lc3! Kpd5 2. Кре7 Кр:d4 3. Kpf6. **Б.** 1. Le1+ Lb1 2. Lc1! — победа!

РШ. А. Ничья: 1. g7! 2. d2! 3. f6. **Б.** Белым не спастись: если 1. d8 то d2! 2. b6 h4! 3. d4 de1! и белые должны отдать большую дорогу.

МШ. А. Белым не спастись: если 1. 19, то 10 2. 19—13 9—14 3. 12 19!X. **Б.** Тут ничья: 1. 38—33!

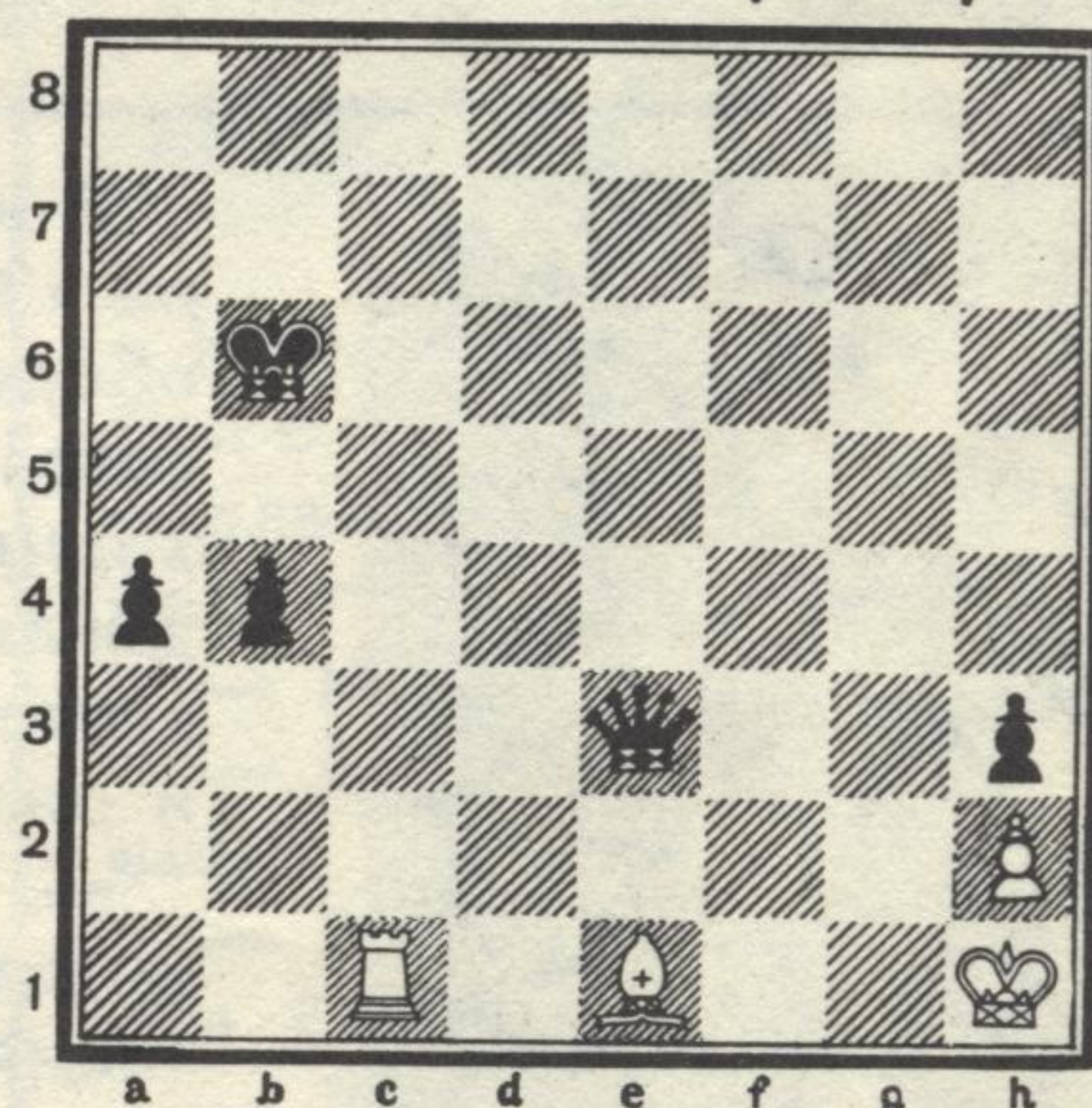
Резерву. 1. Lc4+! Ф:c4 — пат.

ПРИКАЗ № 8

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем арчебековцам отправить рапорты в любом (на выбор) из сроков: а) до 1 ноября, б) в течение двух недель со дня получения журнала по подписке.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

ТРЕНИРОВКА

**ВСЕМ!
ВСЕМ!
ВСЕМ!**

Начинаем очередной Смотр-конкурс на лучшую школьную команду по прыжкам в длину или высоту и команду бегунов на 60 метров.

Соревнования в школах проводятся среди мальчиков и девочек по пяти возрастным группам: 1971, 1970, 1969, 1968, 1967 годов рождения.

Участники Смотр-конкурса могут выступать не только в одном, но и в двух и в трех видах спорта.

Протоколы соревнований и анкеты спорт-

сменов должны быть присланы в спортклуб «Кузнечик» до 1 ноября 1982 года. Протоколы без школьной печати и подписи директора школы или учителя физкультуры недействительны.

В зачет конкурса войдут лучшие результаты пяти мальчиков и пяти девочек — победителей в своих возрастных группах.

Спортсмены, приславшие анкеты, становятся членами нашего спортклуба — им будут высланы удостоверения. А команды-победительницы Смотр-конкурса получают право на участие в зимних финальных соревнованиях спортклуба «Кузнечик». Эти соревнования состоятся во время зимних каникул в Ленинграде.

Наш адрес: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, дом 1/20, редакция журнала «Костер», СК «Кузнечик».

Ведет заслуженный мастер спорта,
заслуженный тренер СССР,
главный тренер СК «Кузнечик»
Эдмунд Исидорович РОХЛИН

Существует мнение, что легкоатлеты осенью должны прекращать тренировки. Это не так. Ничто так отрицательно не сказывается на самочувствии и здоровье спортсмена, привыкшего к большим физическим нагрузкам, как резкое прекращение этих нагрузок. Поэтому, начиная с сентября и в течение всей осени, надо продолжать тренироваться. Тренировка должна проводиться так, чтобы спортсмен не потерял приобретенной силы, гибкости, быстроты. В это время не должно быть никакой работы «на результат».

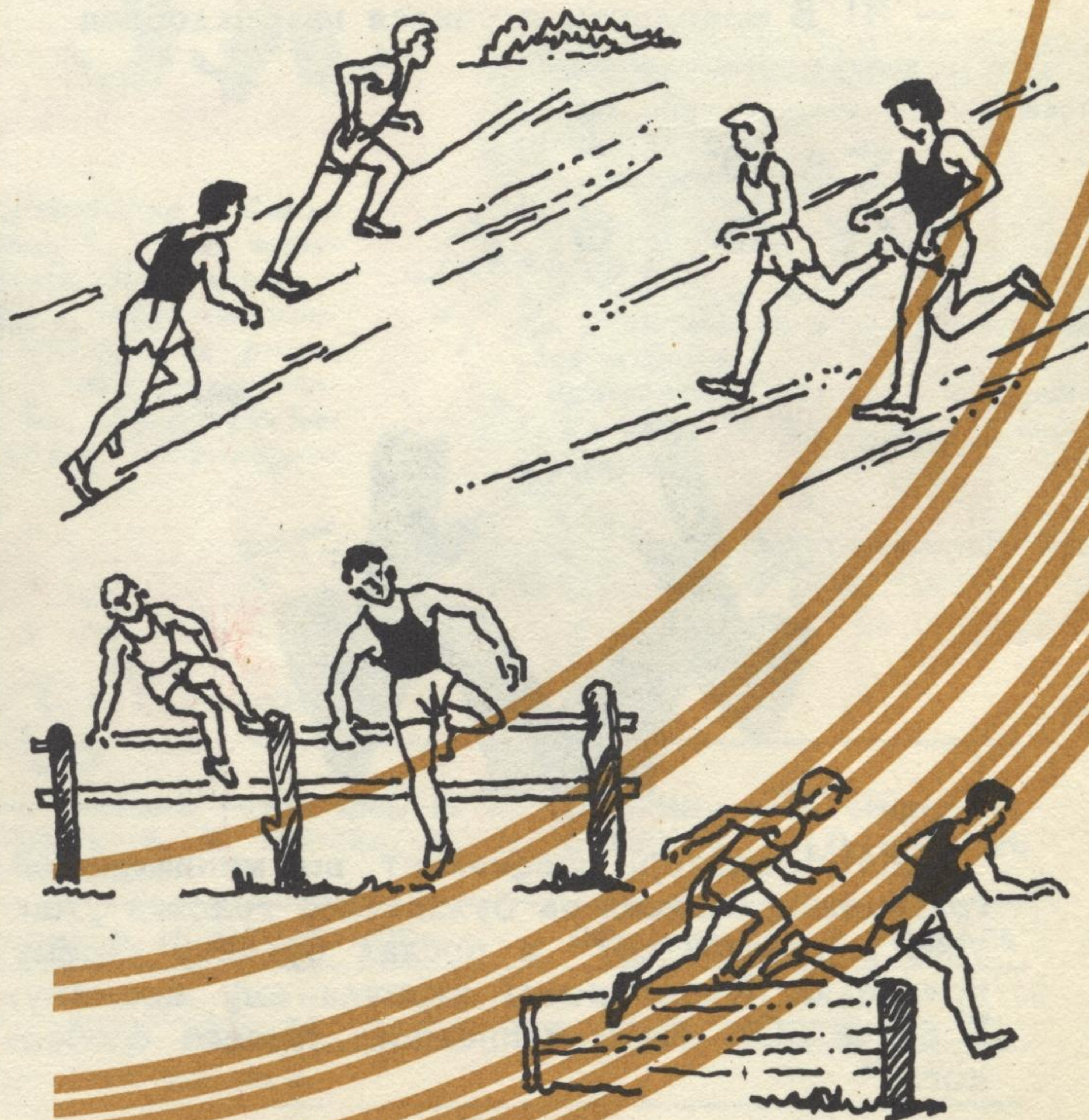
Тренировочные занятия лучше всего проводить на местности — в парке или лесу, 3—4 раза в неделю.

Тренироваться желательно в тренировочном костюме. На ноги надевать шерстяные носки и полукеды.

Для проведения занятий в лесу выбирают поляну с ровным грунтом, а также трассу для бега. Полянка должна быть ровной, длиной 50—60 метров, для ускорений и многократных прыжков. Сюда же надо принести несколько камней весом от 2 до 7 килограммов — для метаний. Недалеко от поляны найдите дерево с веткой, параллельной земле, на высоте 220—250 см, для упражнений в виси. Беговую трассу следует выбрать длиной 1,5—2 километра, такую, чтобы на ней имелись подъемы и спуски, препятствия в виде поперечных канав, бревен, невысокой изгороди.

Канавы и ручьи надо преодолевать прыжком, приземляясь на одну или две ноги. В гору бежать небольшими шагами, ставя ногу на переднюю часть стопы, подав туловище вперед. Бежать с горы, ставя ногу с пятки, держа туловище прямо. При беге по высокой траве выше поднимать колени. Внимательно смотреть под ноги! Стараться бежать ритмично, свободно.

Осенние занятия подготовят вас к зимнему тренировочному периоду с более высокими нагрузками.

АНКЕТА УЧАСТНИКА СОРЕВНОВАНИЙ

Имя и фамилия

Область, город, село

Год рождения

Школа, класс

Рост Вес

Личный рекорд в прыжках
в высоту

в длину

в беге на 60 метров

Способ прыжка

Бег на 30 метров со старта

Высота, которую удалось зафиксировать рукой
в прыжке с разбега

Результаты:

Прыжок с места (отталкивание двумя ногами)

Тройной прыжок с места

Бег на 300 и 500 метров

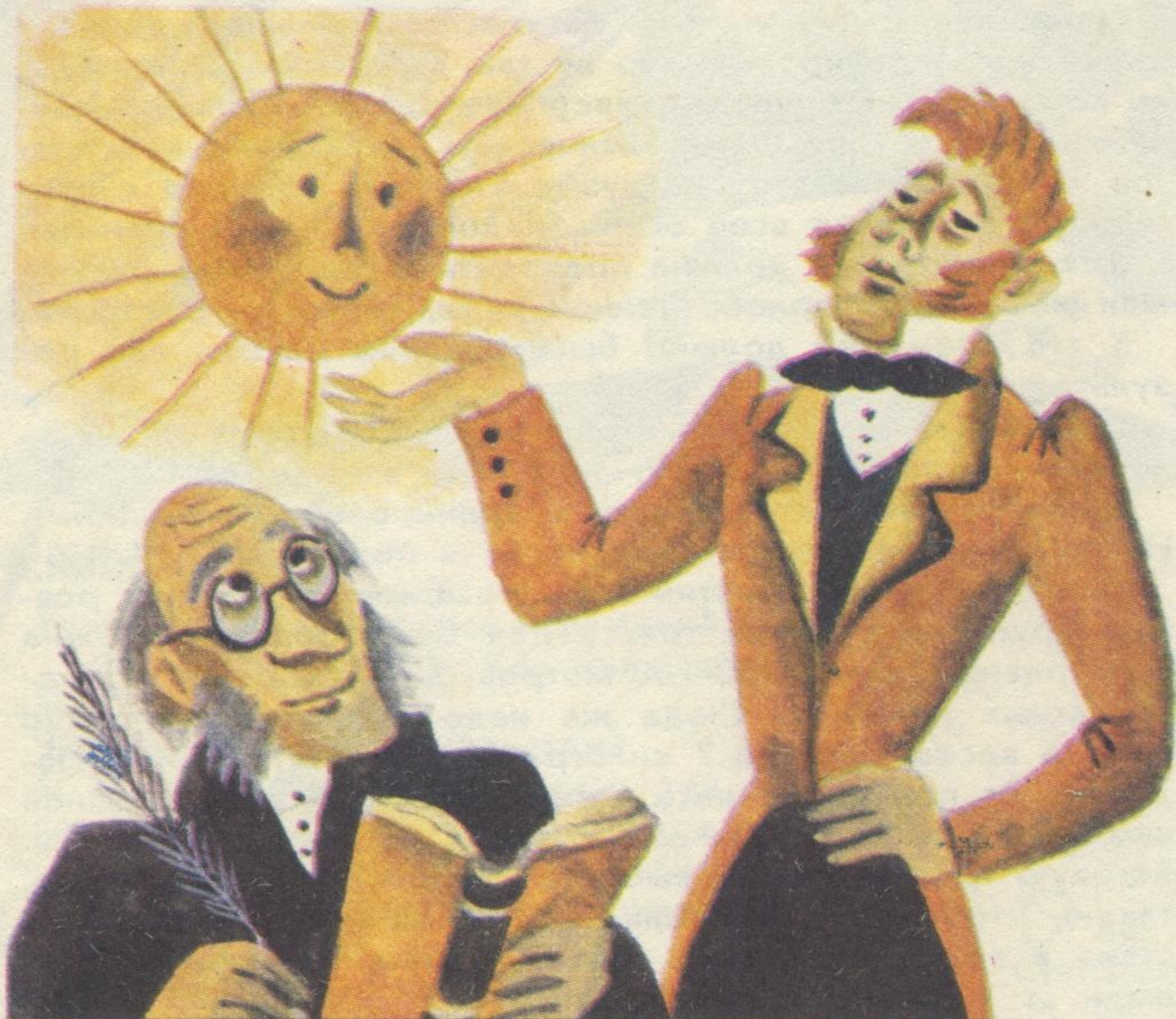

Рисунки
Ю. Беломлинской

ПОЭТ Жемчужников любил рассказывать такую историю: „Студент пришел к профессору и говорит:

— Я хочу создать искусственное солнце! Что мне надо для этого знать?

— Пустяки, — ответил профессор. — Всего лишь постичь тайну солнечных пятен. Для того, чтобы их не было на вашем солнце“.

МНОГИЕ великие ученые начинали как самоучки: математик Ферма был юристом, физик Джоуль — пивоваром, философ Декарт — военным.

Когда математика Пуассона спросили, кто из них оставил ради науки самую выгодную профессию, он ответил:

— Я! В молодости я учился на брадобрея.

ОДИН мастер, специалист по миниатюрной гравировке, написал на булавочной головке „Как тебе это нравится?“ и послал булавку своему другу. Вскоре почта вернула ему посылку. В букве „О“ было написано: „Ничего особенного!“

Август — месяц грибов. Если ты любишь собирать грибы, твердо запомни: не бери грибы, если не уверена, что они съедобны! Не пробуй сырые грибы на вкус! Не собирай дряблые, перезрелые, осклизлые! Меня беспокоило письмо Тани Сомовой из Новгорода. Она пишет: «Говорят, что для определения ядовитых грибов их варят с луком и чесноком, опускают в грибной отвар серебряную ложку. И еще есть примета — червь и слизняк не едят ядовитых грибов». Ни одна из этих примет не верна!

Сегодня я расскажу о солении. Солят грузди, рыжики, сыроежки, лисички, горькушки, черные подгруздки, опенки и свинушки. Соли грибы по сортам. Разбери их, помой и вари 10 мин. (Опенки, свинушки — 30 мин.) После закипания осторожно помешивай и снимай пену, а сваренные грибы откинь на дуршлаг. В чистую посуду (не оцинкованную, не глиняную глазурованную!) клади грибы шляпками вниз и каждый слой (5—7 см) пересыпай солью. Обычно солят из расчета 30—50 г соли на 1 кг грибов. Но кто же будет взвешивать грибы и соль? Придется положиться на интуицию. (Если ты все-таки пересолила грибы, перед готовкой вымочи их в холодной воде.) Из пряностей используй чеснок и укроп. Некоторые кладут в грибы душистый перец, гвоздику, лавровый лист. Плотнo утрамбуй грибы и покрой смородиновым листом или чистой тряпичкой. Подумай о грузе. На деревянный кружок или планочки (не из фанеры!) положи камень (не кирпич!). Грибы должны быть покрыты рассолом. Через месяц они готовы. Промой их, порежь, добавь репчатого лука и заправь подсолнечным маслом или сметаной.

Рано утром у палатки боцман Дваждыдва заметил маленький зеленый росток. Прошло несколько часов, и росток увеличился втрое. — Ого! — воскликнул Дваждыдва. — Какое быстрорастущее растение!

— Ничего тут удивительного нет, — пояснил капитан Разгадайка. — Это бамбук. Он растет со скоростью 0,5 миллиметра в минуту. Подсчитай, сколько дней надо ждать, чтобы бамбук достиг пятиметровой высоты?

Кок Чайнвордыч так увлекся составлением зоологического чайнворда, что забыл приготовить нашим путешественникам обед. Пришлось друзьям отгадывать головоломку, пока кок хлопотал у костра.

1. Гиппопотам. 2. Насекомое, возводящее огромные земляные постройки. 3. Маленький грызун, оби-

тающий в степях и пустынях. 4. Самая мелкая птица мира. 5. Птица, живущая близ водоемов в южных странах. 6. Самое крупное сухопутное млекопитающее. 7. Животное с рогом на носу. 8. Человекообразная обезьяна. 9. Джейран, гну, серна... 10. Белая ворона. 11. Птица, не умеющая летать.

7¹6²40⁵3²7²5³2³4⁵3³

Кот Ангенс увидел странных птиц. Ноги и хвост у них были длинные, а на голове торчало несколько перьев, как будто заткнутых за ухо.

Разгадайка тут же предложил ему расшифровать следующую запись (рис. 1), чтобы узнать название птиц. Верхние цифры означали порядковый номер буквы в нижней цифре, записанной прописью.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 7

Странное животное называется окапи.

Древнеегипетская задача:

$172\frac{1}{2}$.

Сырая вода закипит быстрее, так как в кипяченой меньше растворенного воздуха.

Кроссворд: 1. Лаперуз. 2. Карское. 3. Саламин. 4. Караван. 5. Секстан. 6. Куролио.

Оформление А. Януса

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-31377. Сдано в набор 05.05.82. Подписано к печати 02.07.82. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,5. Печать офсетная. Тираж 760 000 экз. Заказ 4581. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

кдм 19-13 кос

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Людмила ФАДЕЕВА

Все — от тополя у забора
До большого темного бора
И от озера до пруда —
Окружающая среда.

А еще медведь, и лось,
И котенок Васька, небось?
Даже муха — вот это да! —
Окружающая среда.

Я люблю на озере тишь
И в пруду отраженья крыш,
Брать чернику люблю в лесу,
Барсука люблю, и лису.
Я люблю тебя — навсегда! —
Окружающая среда!

Рисунок В. Топкова

